

18+

*Владимир Михайлович
Жариков*

Красинский сад

Книга третья

Владимир Жариков

Красинский сад. Книга третья

«Издательские решения»

Жариков В. М.

Красинский сад. Книга третья / В. М. Жариков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930956-3

В освобождённом городе восстанавливаются шахты. Основная рабочая сила — женщины, и пленные немцы. Михаил трудится на ш. «Красенькая» десятником, руководит бригадой пленных, и она становится передовой. Михаила арестовывают за антисоветскую пропаганду и шпионаж в пользу Германии. До амнистии 1953-го он отбывает срок и возвращается домой. Марфуша с трудом пережила тяжёлое время, в 1957 она умирает, оставляя вдовца с шестью сиротами.

ISBN 978-5-44-930956-3

© Жариков В. М.
© Издательские решения

Красинский сад

Книга третья

Владимир Михайлович Жариков

© Владимир Михайлович Жариков, 2018

ISBN 978-5-4493-0956-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самолет шел на малой высоте. Заместитель наркома электростанций Григорий Николаевич Шумерский расположился в переднем правом кресле и смотрел в иллюминатор. Через проход от него дремал заместитель Хлопин, а сзади сидел офицер связи Лагутин. Вид безбрежных степей Поволжья убаюкивал, и монотонный ландшафт под крылом действовал, как снотворное. Повсюду видны были места недавних сражений на подступах фашистов к Волге. Подбитые танки, изуродованные пушки и грузовики, воронки от бомб и снарядов были похожи на раны, причиненные войной просторам Родины. Степь изобиловала и кровоточила этими ранами, но вопреки полученным «побоям» она уже зеленела изумрудом трав и вселяла надежду на скорую поправку.

Самолет К-5 был удобен для долгих перелетов, его салон в задней части имел туалет. Этот пассажирский лайнер, рассчитанный на восемь человек, регулярно предоставляло военное командование с тех пор, как Правительство СССР переехало из Москвы в Куйбышев. Единственным недостатком К-5 являлась его схожесть с «Юнкерсом» и были случаи, когда наши зенитчики принимали его за вражеский и даже открывали огонь. Пилоты матерились по радиосвязи и несколько раз повторяли свои позывные. Матерные выражения действовали на радистов ПВО надежнее любых кодировок и условностей, и быстро убеждали, что самолет, по которому открыли огонь – наш, советский.

Этим самолетом часто пользовался бывший нарком электростанций Андрей Иванович Летков, вылетающий на самые ответственные участки прифронтной полосы. На нем летал и нынешний комиссар Дмитрий Георгиевич Жимерин. И тот и другой обязательно брали с собой Шумерского, потому что он курировал направление по эвакуации оборудования и на память знал, когда, с какой электростанции и куда эвакуирован тот или иной генератор, паровой котел или турбина.

Григорию Николаевичу невольно вспомнились тревожные октябрьские дни 1941 года, когда обстановка на московском направлении советско-германского фронта стала критической. Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской оборонительной линии в середине октября ГКО СССР принял постановление №801 «Об эвакуации столицы СССР Москвы». Это решение было своевременным, но начало его реализации спровоцировало панику среди населения.

Первыми бросились выполнять постановление чиновники, которые пытались эвакуировать не только государственное, но и личное имущество. Вид автомашин, на которых партийная и государственная номенклатура пыталась сбежать на восток, вызывал у москвичей паническое настроение. Уезжающие руководители порой не оставляли ответственных лиц вместо

себя, а также инструкций о дальнейших действиях. На предприятиях рабочих отправляли по домам, выдав жалование на месяц вперед.

16 октября 1941 года стал первым и пока единственным днём в истории, когда прекратил работу Московский метрополитен. Его готовили к разрушению в случае оккупации города немцами. С перебоями работал и остальной транспорт. Глядя на действия начальства, собирали свои пожитки и бежали из города рядовые граждане. Рязанское и Шоссе Энтузиастов были забиты людьми и машинами. В поезда практически невозможно было попасть. На улицах участились грабежи. Нападали на машины с вывозимым имуществом, растаскивали продукты из магазинов. Некоторые руководители предприятий, пользуясь обстановкой, пытались исчезнуть с казёнными деньгами. Москву заполняли слухи. В отсутствие официальной информации кто-то рассказывал, что уже появились немецкие танки то ли в Одинцово, то ли в районе Белорусского вокзала. Были и те, кто готовился встречать гитлеровцев как «освободителей».

Прекратить панику удалось лишь после введения 20 октября 1941 года в Москве осадного положения. Документ, в частности, предписывал «нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте». Городом, выполняющим функции «запасной столицы», был определен Куйбышев.

Такой город должен отвечать основным требованиям: быть удалённым от фронта на безопасное, но не критическое с точки зрения осуществления руководства армией и экономикой, расстояние. Город должен был иметь развитую транспортную инфраструктуру, а также быть надёжно защищённым от действий авиации и диверсантов противника. Куйбышев отвечал этим требованиям. Крупный железнодорожный узел был связан с Уралом, Дальним Востоком и Средней Азией. В качестве природного рубежа для прикрытия города с суши выступала Волга, а с воздуха силы авиации и ПВО Приволжского военного округа.

Не все структуры удалось разместить в Куйбышеве. Генштаб, как и было, сказано в Постановлении ГКО, разместился в Арзамасе. В Москве продолжала работу оперативная группа Генштаба во главе с Александром Василевским. Аналогичные «филиалы» были созданы и в других наркоматах, так что полного запустения в Москве после выезда правительственных структур не было.

Остро стоял вопрос об эвакуации главы государства. Ходили слухи, что существовало не менее десятка вариантов вывоза Иосифа Сталина, предусматривавших использование автомобиля, поезда или самолета. По одной из версий, советский лидер даже приехал на вокзал, где его ждал поезд, но, побродив некоторое время по перрону, отказался покидать Москву. Это было мужественное решение вождя, его присутствие в Москве в самые трагические дни сыграло положительную роль в настроении москвичей, поднятии боевого духа воинских частей перебрасываемых из Сибири для обороны столицы, а также партийной номенклатуры московского горкома во главе со Щербаковым.

Наркомат электростанций также оставил свой «филиал» в Москве, но основная его часть переехала в Куйбышев. С первых же дней возникали сложные задачи, которые нужно было решать экстренно и без права на ошибку. Необходимо было в установленном заранее порядке обеспечивать перестройку режима электроснабжения оборонных предприятий, вносить оперативные изменения в схемы внешнего энергоснабжения и в режимы работы заводов, которые в срочном порядке переводились на производство военной продукции. Их потребности в электроэнергии стремительно росли.

С началом войны нужно было подготовиться и к изменениям в схемах организации управления электростанциями в условиях, когда большая часть работников уйдет в армию. Уменьшение штатных расписаний не должно было сказаться на надежности работы энергообъектов. Резко менялась вся ориентация деятельности наркомата и всей энергетики страны. Предстояло срочно продумать план временной консервации отдельных объектов капиталъ-

ного строительства, принять меры защиты сетей и электростанций от вражеской авиации. Необходимо было проверить готовность к ликвидации возможных аварий, пожаров, наладить строительство убежищ, защитных сооружений, ввести в действие скрытые пункты управления. Следовало было учесть возможность срыва параллельной работы энергосистем Донбасса и Днепрэнерго.

Особое внимание нужно было уделять бесперебойному электроснабжению угледобывающих предприятий Восточного Донбасса, как топливной базы тепловых ГРЭС. После оккупации Западного Донбасса, работа Азово-черноморской энергосистемы была в наркомате под пристальным контролем. Руководил ею Григорий Львович Асмолов, талантливый организатор и высококлассный специалист. Накануне, перед самой войной, он принимал участие в составе государственной комиссии по приемке в эксплуатацию Несветаевской ГРЭС в городе Новошахтинске. Ее первая очередь вступила в строй 20 июня, а уже спустя неделю был получен приказ ГКО СССР и предписание Совета по эвакуации, возглавляемого Шверником, Первухиным и Косыгиным о демонтаже и эвакуации энергоагрегатов, оборудования ГРЭС, мощных линий электропередачи в определенные восточные районы страны.

Люди, которые накануне прилагали все усилия, чтобы дать краю дополнительную электроэнергию, приступили к демонтажу агрегатов. Многие прямо со строительства ГРЭС уходили на фронт. Через Каменск, Лихую, Шахтинский и Ростовский узлы и Баку пошли первые эшелоны с демонтированным оборудованием и людьми на восток, в районы Сибири, Средней Азии. Было очень сложно сориентироваться в ситуации на фронтах и заранее предусматривать экстренные меры.

Шахтинская, Каменская, Ростовская электростанции продолжали работать на оставшихся мощностях. Людей не хватало, по приказу ГКО СССР часть персонала была отправлена на восток, многие ушли на фронт. Всех рабочих и ИТР пришлось вооружить, чтобы они могли дать отпор диверсантам. По смене сдавался не только обслуживаемый агрегат, но и размещенный в определенных «точках» заряд взрывчатки. В случае прямой угрозы прорыва немцев, электростанции не должны были попасть в руки врага.

В начале ноября 1941 г. противник прорвался к Ростову со стороны Таганрога. Однако через несколько дней его отбросили. Ростов-на-Дону стал первым крупным городом, освобожденным в самом начале войны от оккупантов. Враг, потерпев крупное поражение, отошел, но потребность в электроэнергии на нужды фронта увеличивалась. Оставшихся после эвакуации агрегатов на Шахтинской ГРЭС и Каменской ТЭЦ не хватало. Нужно было любой ценой обеспечить устойчивую работу этих электростанций в разукomплектованном виде. Шумерскому запомнился один из неприятных эпизодов тех дней. Немцы рвались к Новошахтинску и Шахтам. Они были нацелены ударить на Ростов через Новочеркасск, форсировать Дон и закрепиться на его левом берегу. Тогда Шумерскому, члену коллегии наркомата Платонову и Асмолову удалось благополучно проскочить на Шахтинскую ГРЭС. Необходимо было оказать техническую и организационную помощь директору Ежелеву, главному инженеру Котилевскому и их коллективу.

Неожиданно в пункт управления вошла группа товарищей. Среди них был секретарь Шахтинского горкома партии Наугольный и майор НКВД Широоров. Энквэдэшник предъявил документ, подписанный членом Государственного Комитета Обороны. Ссылаясь на него, потребовал от Асмолова и директора ГРЭС Ежелева немедленно взорвать плотину водохранилища электростанции, так как враг был уже рядом. Асмолов объяснил майору, что все необходимое подготовлено, сделана штольня, плотина надежно заминирована и вся схема в готовности. При угрозе захвата электростанции за секунду будет осуществлен взрыв. Но без прямого приказа командующего фронтом выводить из строя плотину он не будет. Майор нервничал, спешил. Ссылаясь на законы военного времени, он грозил всеми карами за невыполнение его требования.

Тщетно Шумерский и секретарь горкома пытались доказать ретивому службисту, что преждевременный взрыв плотины приведет к полной остановке электростанции и что вся прифронтовая зона: Ростов, Новочеркасск, Батайск, Аксай, Каменск останется без электроэнергии. Кроме того, преждевременный взрыв вызовет мощный водяной поток, он затопит уже давно заселенные земли старого русла, что может сказаться катастрофически на маневрах наших войск, преграждающих путь врагу на левый берег Дона. Несмотря на истерику майора НКВД, взрыва плотины в ноябре 1941 года не допустили. Вскоре положение на этом участке фронта улучшилось, фашистов отбросили к Матвееву кургану.

Отбитый первый раз у врага Ростов жил напряженным трудовым ритмом. Действовали водопровод, связь, работали заводы, мастерские, изготовлявшие оружие, боеприпасы, ремонтировавшие боевую технику, хлебопекарни, мясокомбинаты, магазины, столовые. Но электроэнергии не хватало, поэтому было решено по предложению Асмолова, вернуть из эвакуации и восстановить на Шахтинской ГРЭС один из турбогенераторов мощностью 25 Мвт. Его экстренно доставили из Баку и в кратчайшие сроки вновь установили на прежнее место. Летом 1942 года ситуация на фронте резко изменилась в пользу фашистов и вновь возникла угроза оккупации городов Шахты и Каменск. Этот генератор вновь демонтировали, оставив для работы всего один, вместо четырех по проектной мощности.

Фашисты подошли к Шахтам, и ликвидация ГРЭС стала неминуемой. В это время Асмолов, лично контролировавший работу Шахтинской ГРЭС получил приказ командующего фронтом взорвать плотину. Вода лавиной устремилась в староречье, обрушившись на врага. Много фашистов с их техникой уничтожил этот поток. В эти критические дни с Асмоловым рядом был прорвавшийся через кольцо, ответственный уполномоченный Наркомата электростанций Лаврененко. С небольшой оперативной группой он прорвался к Шахтинской ГРЭС и уходил с нее последним. Гитлеровцы не смогли воспользоваться электростанцией. Асмолов вместе с Лаврененко, Ежелевым и Котилевским сняли последнюю вахту, обеспечили ее эвакуацию. Отключили все линии электропередачи, а последний турбогенератор мощностью 25 Мвт еще продолжал работать на холостом ходу. Его нельзя было уже ни сохранить, ни вывезти. Решили повторить горький опыт, использованный Лаврененко при отходе с Северодонецкой ГРЭС. Слили масло из системы смазки, но генератор продолжал работать, и лишь через 20 минут возникла чудовищная вибрация – подшипники оплавилась. Со скрежетом и грохотом турбогенератор остановился. Из статора машины пыхнуло пламя. Очевидно, горела изоляция обмотки генератора. Из цилиндра высокого давления вырывался пар.

Лаврененко, Асмолов, Ежелев и Котилевский стояли в конденсационном помещении под фундаментом соседней разобранный и отправленной турбины и наблюдали всю эту трагическую картину. От вибрации затряслось здание машинного зала. Почудилось, что вот-вот обрушится кровля. Погасло аварийное освещение, и только багровое зарево позволяло смотреть на эту тягостную панораму. Все было кончено. Взорвав барабаны котлов, шаровые мельницы, топливоподачу, мазутное хозяйство и повышающий трансформатор, последняя вахта вместе с руководителями отошла в направлении Ростова-на-Дону.

Спустя несколько дней после освобождения города Шахты был получен приказ о срочном восстановлении Шахтинской ГРЭС и Шумерский вот так же, как сегодня вылетел на место, чтобы принять оптимальное решение о доставке эвакуированного оборудования и ускоренном его монтаже. Тогда была зима, и этот же К-5 лыжами приземлился на заснеженную поляну недалеко от станции. Асмолов уже не работал управляющим Азчерэнерго, в октябре 1942г. он возглавил Главвостокэнерго. Поэтому встречали Шумерского другие люди: новый директор и главный инженер ГРЭС Котлов и Чехунов, новый управляющий Азчерэнерго Бабич. Приехал к самолету и новый секретарь Шахтинского горкома Василий Филимонович Шибаев.

Нужно было оценить степень разрушений на станции и определить перспективы ее быстрого восстановления. До самого освобождения города Шахты в наркомате практически

никто не знал, удалось ли немцам запустить ГРЭС? Известно было, что перед уходом наших войск был выведен из строя единственный турбогенератор, взорваны барабаны котлов, шаровые мельницы, топливоподача и повышающий трансформатор. Известно было, что немецкое командование пыталось восстановить ГРЭС в кратчайшие сроки, для чего на станцию была направлена группа немецких специалистов и саперный батальон. Знали также и о том, что отступая, немцы успели взорвать оборудование, но степень разрушения, в наркомате не представлял никто, а местное руководство в лице Шибаяева, было некомпетентно в подобных вопросах.

Перед наступлением на Шахты частей 5-й Ударной армии, командиру 315 стрелковой дивизии, генерал-майору Лилейко был дан приказ за день до наступления, забросить по воздуху разведывательную роту с саперами на Шахтинскую ГРЭС с целью предотвращения взрыва электростанции фашистами. Бойцы высадились на противоположном берегу водохранилища. За время оккупации города немцы успели почти полностью восстановить плотину и усиленно охраняли ее. Разведчикам удалось снять посты, но бесшумно это сделать не получилось. Разминирование плотины производили под огнем, взрывчатку, извлеченную из штольни, использовали в целях обороны. Когда немцы попытались превосходящими силами выйти на гидросооружение и уничтожить диверсантов, раздался мощный взрыв перед входом на плотину. Опасаясь, что разведчики заминировали проход, фашисты вели огонь издали, залегши на противоположном берегу. Это и позволило разведчикам удерживать натиск и сохранять плотину от дальнейшего разрушения ценой своей жизни. Когда передовой полк 315-й дивизии атаковал врага на подступах к электростанции, на ее территории один за другим прогремели взрывы.

Уже первые осмотры показали, что немцы разрушали энергетические объекты по обдуманному и заранее составленному плану. В первую очередь разрушению подвергались крупные, оснащенные современным оборудованием технологические узлы электростанции. Приоритетно выводили из строя валы турбин и генераторов, колонны и барабаны котлов, редукторы и горловины мельниц, моторы и трансформаторы. Частично были разрушены стены и кровля машинного зала и котельного цеха. Единственный турбогенератор 25 Мвт, который вывели из строя еще Асмолов с Лаврененко, тоже был поврежден. После его осмотра Шумерский пришел к выводу, что немцы отремонтировали генератор для пуска, и взорвали его вал при спешном отступлении. Но станцию фашистам так и не удалось запустить за время оккупации города.

Причина для этого была продумана и подготовлена еще до прихода фашистов и входила в план эвакуационных мероприятий. Заблаговременно были израсходованы все запасы угля на складе станции, она в последнее время работала с колес, и угольный склад ГРЭС был «вычищен под метлу». Немцам требовался солидный запас угля, чтобы вывести котлы на рабочий режим и дать электроэнергию шахтам для пополнения запасов топлива. Получался замкнутый круг: нет угля на складе ГРЭС, не будет электроэнергии для добычи угля. К тому же крупные шахты были взорваны нашими при отступлении, а их аварийные склады также были «вычищены до единой уголинки». Этот замкнутый круг теперь нужно было разорвать ему, заместителю наркома Шумерскому в его первое посещение ГРЭС после освобождения города. Сейчас в самолете он вспоминал разговор с секретарем Шахтинского горкома Шибаяевым, человеком, наделенным природной смекалкой и рационализаторством.

– Хорошо, что фрицы не успели полностью взорвать плотину, – заметил радостно Шибаяев.

– Здесь и без плотины работы до осени, – ответил Шумерский, – немцы вывели из строя основное оборудование, которое нужно сначала найти и доставить на «Шахтинку», затем смонтировать.

– Было бы хорошо, если бы фашистов заставить восстанавливать все, что они разрушили, – неожиданно предложил Шибаяев, – сколько под Сталинградом в плен взяли? 6-ю армию Паулюса, две румынских, венгерскую, итальянскую... Вот вам и рабочая сила!

Шумерский внимательно посмотрел на Шibaева, ему понравилось его предложение. Действительно, почему бы не привлечь к восстановительным работам военнопленных немцев?

– Дельное предложение, – ответил он Шibaеву, – я обязательно подниму этот вопрос у наркома. Неплохо было бы, если бы он ходатайствовал перед ГУПВИ об использовании труда военнопленных.

– В городе рабочей силы мало осталось, – продолжал секретарь, – весь людской ресурс нужно мобилизовать на шахты и бюро горкома обсуждало этот вопрос. В первую очередь восстановлению подлежат те шахты, что не были взорваны ни нашими, ни немцами. Некоторые из них затоплены, и без электроэнергии откачивать их придется долго. Так что вся надежда на Вас, Григорий Николаевич.

– Мы еще в январе приступили к восстановлению Сталинградской ГРЭС, – информировал Шумерский, – на улицах еще шли бои, а мы уже начали работы.... Надеюсь, в марте она даст первый ток! Здесь тоже придется использовать сталинградский опыт. Там в кратчайшие сроки нам удалось соорудить установку для выработки электроэнергии на собственные нужды. Асинхронный двигатель с фазным ротором мощностью 160 кВт превратили в генератор трехфазного тока напряжением 0,4 кВ. Возбудителем служила сварочная машина постоянного тока. В качестве привода использовали судовой одноцилиндровый дизельный двигатель внутреннего сгорания мощностью 200 л. с. Эту мини-электростанцию можно использовать и на восстановительных работах и при запуске вашей ГРЭС....

– А почему? – неожиданно спросил Шibaев, прерывая Шумерского, – Сталинградскую Вы собираетесь пустить уже в марте, а нашу только осенью?

– Специалистов не хватает, – мрачно констатировал Шумерский, – Сталинградскую ГРЭС начали восстанавливать первой после освобождения, а теперь фронт работ резко расширяется. Осенью, возможно, добавится еще и Западный Донбасс....

– А нельзя ли сделать установку, о которой Вы только что рассказывали для электропитания отдельных шахт? – продолжал Шibaев, – ведь если мы не успеем к пуску нашей ГРЭС добыть для нее уголька, то вряд ли она может быть запущена в работу. К каждой шахте у нас имеются подъездные железнодорожные пути, если где разбомбили, мы быстренько восстановим.

– Не понял, – смутился Шумерский, – что вы имеете в виду?

– Смонтировать такие мини-электростанции на колесах, – продолжал Шibaев, как бронепоезда с артиллерией.... Подогнать мини-электростанцию к шахте и вырабатывать электричество для откачки воды!

– Вы подсказываете мне за сегодня вторую перспективную идею, – весело сказал Шумерский, – если у вас в городе все обладают такой смекалкой, то нет сомнений, шахты скоро начнут добывать уголь! Спасибо Вам, товарищ секретарь, я обязательно займусь воплощением ваших идей.

Вернувшись в Куйбышев, Шумерский доложил наркому о предложении Шibaева использовать на восстановительных работах пленных немцев. Дмитрий Георгиевич внимательно выслушал Шумерского и пообещал доложить о предложении лично товарищу Берия. Ему подчинялся ГУПВИ и он курировал вопросы угольной промышленности в ГКО. Шумерский поручил специалистам наркомата проработать идею Шibaева о применении энергопоездов для мобильной переброски их на восстановление шахт.

Предложение Шibaева в чистом виде было технически просчитано и претерпело изменения по многим причинам. Первой из них было напряжение подъемных машин и стационарных насосов водоотлива шахт, которые в первую очередь должны были быть обеспечены электроэнергией. Питались такие установки от источника 3 кв, на некоторых шахтах 6 кв. Поэтому энергопоезд с напряжением 0,4 кв, примененный на Сталинградской ГРЭС не годился для этих целей. Вторая причина заключалась в отсутствии специалистов для обслуживания таких энер-

гопоездов. На шахтах нехватка людских ресурсов достигала 50%, из них две трети – женщины. Специалистами наркомата было просчитано увеличение напряжения до 3—6 кв и мощности энергопоездов до 1,2 – 1,5 Мвт. Их предлагалось устанавливать на территории ГРЭС и в дальнейшем использовать при запуске станции, как источник собственных нужд. А шахтам подать напряжение по высоковольтным линиям, которые кое-где необходимо было восстановить.

В качестве парогенераторов предлагалось использовать паровозы серии ФД. Турбоагрегат и его конденсатор надлежало смонтировать на отдельных железнодорожных платформах, распределительное электрическое устройство со щитом управления и жилые помещения разместить в двух крытых вагонах. Для работы энергопоезда нужно было прицепить к нему два десятка вагонов с углем, по мере расходования которого пополнять. Электрическую часть энергопоездов комплектовать оборудованием с небольших заводских электростанций. С точки зрения комплектации подобрали такое оборудования, которого в эвакуированном резерве было достаточно для монтажа двух десятков энергопоездов с перспективой восстановления шахт Западного Донбасса, бои за который были еще в самом разгаре.

Шумерский лично проверил расчеты и дал добро на подготовку таких энергопоездов. В первую очередь они крайне были необходимы для Сталинградской, Шахтинской и Несветаевской ГРЭС. Оборудование для энергопоездов доставляли дольше, чем монтировали. Загруженность железных дорог достигала уровня осени 1942 года с той лишь разницей, что тогда грузы шли с запада на восток, а теперь в обратном направлении. Пришлось вылететь в районы эвакуации, чтобы без очереди «проталкивать» поезда с оборудованием.

Под крылом самолета глазам открывались картины забитых неподвижными эшелонами железнодорожных путей, нагромождение эвакуированного оборудования. И так повсюду. Особенно раздражали заторы на разъездах, где необходимый, как воздух, порожняк стоял вперемежку с нагруженными до отказа составами. Сцепами большой длины простаивали паровозы. На Волге и Каспии аналогично: пароходы, буксиры, баркасы, баржи, сейнеры, траулеры и даже боевые корабли – перегруженные сверх ватерлиний, натужно шли к Махачкале и Баку. С воздуха было хорошо видно забитые судами фарватеры этих портов. На шоссе дорог огромные пробки. И без вмешательства Шумерского с предписанием ГКО, пришлось бы ждать необходимого оборудования месяц-полтора.

Сегодня, по сообщению ответственного работника наркомата в Шахты на территорию ГРЭС должен был прибыть энергопоезд мощностью 1,2 Мвт. Шумерский телеграфировал Бабичу и Шибаяву о своем приезде, чтобы лично проконтролировать запуск передвижной установки. Прошло два месяца со дня освобождения города, и нарком Жимерин жестко проявлял недовольство затягиванием срока пуска энергопоезда, обещанного им Берии. Шахтинский уголь, как воздух был необходим железной дороге, оборонным предприятиям и самой энергетике.

Самолет пошел на снижение и вскоре коснулся колесами зеленой лужайки. Пробежав около пятидесяти метров, К-5 остановился, урча мотором, как разбуженный среди ночи пес. Шумерский, Хлопин и Лагутин покинули самолет, их встречали Бабич, Шибаяв, новый директор Шахтинской ГРЭС Котлов и главный инженер Чехунов.

– Энергопоезд прибыл уже? – спросил Шумерский после взаимных рукопожатий.

– Вчера ночью, товарищ заместитель наркома! – по-военному отрапортовал Бабич, – я лично контролировал его транспортировку.

– В таком случае, едем сразу на территорию ГРЭС, – приказал Шумерский, – надеюсь, линии электропередач на шахты, подлежащие приоритетному восстановлению, готовы?

– Конечно, товарищ заместитель наркома! – бойко отрапортовал Шибаяв, – через неделю закончим восстанавливать плотину. А как насчет плененных немцев?

– Вопрос этот еще решается на уровне ГКО, – ответил Шумерский, – это не так просто....

– А в чем проблема? – удивился Шibaев, – я бы их всех расстрелял, к чертовой матери, если бы не разруха! Это нелюди, сбесившиеся звери, которые скинули в ствол шахты Красина около четырех тысяч наших людей, живьем отправляли в преисподнюю....

– Дело не в жалости к фашистам! Садитесь со мной в одну машину, и по пути я Вам объясню проблему, – предложил Шумерский.

Гости и встречающие разместились в нескольких автомобилях, которые тут же тронулись с места. До станции было около двух километров и Шibaев, севший в автомобиль вместе с Шумерским внимательно слушал его.

– Мы должны соблюдать «Положение о военнопленных», утвержденное Постановлением №46 ЦИК и СНК СССР 19 марта 1931 года! – начал Шумерский, – а чтобы Вы лучше представляли себе «движение пленной рабочей силы», я должен сначала проинформировать Вас. Из армейского приемного лагеря пленные поступают в сборный пункт, откуда эшелонами во фронтовые приемно-пересыльные лагеря, а уже из них – в тыловые. В январе-феврале 1943 года, из трехсот тысяч человек только 19 000 были доставлены в стационарные лагеря – остальные «зависли» во фронтовых. Во многих из них вспыхнула эпидемия тифа, туберкулеза и прочих заразных болезней. Поэтому нужно отфильтровать здоровых и работоспособных и потом только отправлять в тыл. Вам нужна в Шахтах эпидемия тифа или туберкулеза?

– Не дай не приведи, – возразил Шibaев, – наших людей и так ветром качает от голода, многие не пережили лютую зиму.....

– То-то же! – резюмировал Шумерский, – ускорить процесс отбора пока никто не может, врачей фронту не хватает! Генералам сейчас не до пленных, они должны гнать врага дальше, ГУПВИ перегружено, не хватает транспорта, конвойных и прочего.... Но есть уверенность, что к осени это все утрясется и Шахты получают в приоритетном порядке первых военнопленных, это я обещаю!

– Ловлю на слове, товарищ заместитель наркома! – весело откликнулся Шibaев.

Приехали на ГРЭС, с первых шагов по территории в глаза бросались разрушения, оставленные немцами при отступлении. Это касалось в первую очередь высоковольтной подстанции, сиротливо выглядевшей с поврежденными силовыми трансформаторами и открытым распределительным устройством 110 кв. Корпуса котельного цеха и машинного зала не значительно пострадали по сравнению со Сталинградской ГРЭС. На железнодорожных путях к бывшему угольному складу сопели в сцепке паровозы энергопоезда.

– В первую очередь, сейчас запустим в работу энергопоезд, – с нескрываемым удовольствием приказал Шумерский, – потом я посмотрю ход работ по монтажу оборудования.

Вся команда руководителей проследовала к месту стоянки энергопоезда. Остановились в двадцати метрах от него. Ждали, пока закончат работу электромонтеры, натягивающие провода от закрытого вагона с надписью «ЗРУ-3кв» до концевых опор по видимости недавно установленных для связи с отходящими линиями. Бабич недовольный тем, что монтажники не успели это сделать до приезда Шумерского, отвел в сторону начальника монтажного управления Азчерэнерго, и распекал его, не стесняясь в выражениях.

– Зря Вы так материли монтажников, – сделал замечание Шумерский, когда Бабич вновь подошел к нему, – сколько суток не спали люди?

– Третьи сутки, товарищ заместитель наркома, – отвечал Бабич, – я знаю предел возможности своих людей....

– Не забывайте, что это и мои люди, – прервал его Шумерский, – и я требую впредь работать с ними без горлопанства!

Наконец всё было готово, и Бабич дал команду на запуск. Турбогенератор быстро набрал номинальные обороты и пять минут работал вхолостую. Главный инженер Шахтинской ГРЭС Чехунов прислушивался к работе агрегата и вскоре дал отмашку на включение электрической

нагрузки. Было подано напряжение на все четыре отходящие линии, одна из которых питала шахту «Красненькая».

– А потянет ли один турбогенератор все четыре шахты? – спросил Шibaев.

– Будем смотреть по загрузке, – ответил Чехунов, – если не будет хватать мощности, придется вводить специальный режим работы оборудования на шахтах.

– Товарищ заместитель наркома, – возмутился Шibaев, – я правильно понял? Электроэнергии может не хватить для четырех шахт, на которые сейчас дали питание? Это катастрофически мало! Мы запланировали к концу апреля восстановить и пустить в работу пятнадцать из 33 шахт города! А здесь речь идет о введении специального режима работы оборудования даже для четырех шахт....

– Но это временно, – успокаивал его Шумерский, – осенью запустим первый турбогенератор ГРЭС....

– Мы не можем ждать осени, товарищ заместитель наркома, – прервал его Шibaев, – тем более что добыча угля уже возобновлена на мелких шахтах и там тоже нужна электроэнергия для подъема добычи на-гора! У нас два плана, один на восстановление шахт и второй на добычу.... А Вы мне говорите – осенью! Нужно предусмотреть передвижные установки с дизельным двигателем, которые можно подогнать по железнодорожным путям к шахте.... В прошлый раз мы о них говорили с Вами! Кстати дизеля можно использовать с насосов, которые привезли на многие шахты для откачки воды.

Шумерский внимательно выслушал секретаря горкома, не прерывая, и с мрачным видом посмотрел в его глаза. Он понял, что этот человек не успокоится, и будет добиваться своего, невзирая на должности.

– Хорошо! – согласился Шумерский, – мы повторно посмотрим свои возможности, резервы эвакуированного оборудования с учетом имеющихся на шахтах насосных дизелей....

Шумерский поздравил всех присутствующих с пуском энергопоезда, затем в их окружении пошел осматривать станцию и ход работ по монтажу оборудования. Это был день второго рождения Шахтинской ГРЭС, хотя до пуска первого стационарного генератора мощностью 25 Мвт оставалось еще полгода.

Библейская легенда о всемирном потопе известна многим. Все, что создавалось, строилось, возводилось руками людей, было затоплено, уничтожено, поглощено стихией воды. Легенда эта возникла давно, когда человек еще не умел бороться с силами природы, управлять ими. Теперь другие времена, человек стал хозяином природы. По своей воле он меняет русла рек, прорывает каналы, соединяет моря, орошает пустыню. Но хватит ли человеческих сил на то, чтобы вычерпать море подземной воды? Об этом часто задумывался Василий Филимонович Шibaев, первый секретарь Шахтинского горкома, принимая на себя ответственность за восстановление шахт.

История угольной промышленности всего мира еще не знала подобных случаев. Что-то похожее было во Франции после Первой мировой войны, там, в Северном бассейне и Па-де-Кале тоже откачивали затопленные шахты. Но объемы подземного моря исчислялись ста миллионами кубометров воды, а в советском Донбассе по подсчетам специалистов нужно было откачать около шестисот миллионов. Только из шахт города необходимо было откачать 19 миллионов кубометров воды. Английские горные инженеры предрекали СССР полную потерю Донбасса, заместить его выпадающую добычу угля, не в состоянии был даже Печорский бассейн при условии его интенсивного освоения. Но Василий Филимонович верил в людей, надеялся на их пытливым ум и рациональное коллективное мышление. Это позволяло ему при-

нимать смелые решения и добиваться их выполнения. За это Шibaев уже в июле 1944 г. удостоится высокой государственной награды – Ордена Красной Звезды.

Стародубцев часто «прорывался» в кабинет к Шibaеву со своими смелыми предложениями и тот поддерживал его рационализаторство о применении подъема для откачки шахты. Поэтому «Красенькая», одной из первых получила электроэнергию от энергопоезда. Подъемная машина к тому времени была уже смонтирована, разрушенная стена здания подъема восстановлена. Цемента не было, кладку производили на растворе глины с песком под руководством пенсионера-каменщика Петра Ивановича. Это он убедил Стародубцева, что такая кладка в сцепке с оставшимися стенами вполне сойдется, а когда шахте дадут цемент, то для придания ей прочности, нужно будет оштукатурить ее снаружи. «Сто лет еще сможет простоять!» – гарантировал пенсионер.

Каната на подъемной машине было с избытком, наверное, шахта, где ее применяли ранее, была глубже «Красенькой». Не просто было получить сварочный генератор, который предоставлялся руководством треста централизованно, по очереди. На весь город их было всего два, а каждой шахте электросварка требовалась практически ежедневно. Пока ждали очереди, раскrojили листовую металл на изготовление сосудов-«ведер» для подъема. Сварщиков тоже давали централизованно и когда они прибыли на шахту, Стародубцев дал им в помощь людей, чтобы специалисты не теряли времени на подсобные работы. Пришлось также дополнительно заинтересовать их в сверхурочной работе. Им авансом выплатили большую премию и выдали талоны на дополнительное питание. Двое суток с перерывом два часа на сон, они выполняли заказ шахты.

Сосуды были готовы, но напряжения еще не было подано. Чтобы не терять драгоценное время, коллективно было решено – один из сосудов можно было опускать в ствол, прикрепив к нему канат. Под собственным весом он затонет в стволе шахты, если растормаживать барабан подъемной машины. Это нужно было делать осторожно при помощи лома, для чего единственный электрослесарь, понимающий в подъемных машинах, разжимал тормоза по команде Воронина. Главный инженер находился у ствола, а для передачи его указаний электрослесарю, выстроилась цепочка рабочих до здания подъема.

Стол шахты был неглубокий, всего пятьдесят метров и спуск первого сосуда прошел благополучно. Второй оставили на поверхности у ствола, зафиксировав его другим плечом каната. Так он пролежал несколько дней, пока из треста не пришла радостное сообщение о том, что на следующий день дадут напряжение. И вот сегодня тридцать человек во главе с Ворониным и Стародубцевым ждали этого момента у ствола. Трансформаторной подстанции у шахты еще не было и напряжение 3 кв должно быть подано по временной схеме на панели управления подъемной машины. Аварийный свет в ее помещении загорался от трансформатора схемы управления и электрослесарь с утра дежурил там вместе с машинисткой подъема.

– Дали напряжение! – взволнованно прокричал электрослесарь, выбежав во двор, – аж, как-то не верится....

– Приготовились все! – скомандовал Воронин, – выстроились в цепочку, как в прошлый раз!

Женщины послушно стали в «живую связь» от ствола до открытой двери в помещение подъема. Мужики, вооружившись ломом, обступили сосуд, лежащий у шейки ствола. Воронин молча наблюдал за приготовлениями. Он сильно волновался, и от этого его лицо было потным и красным, как панцирь у вареного рака. Стародубцев наоборот сиял азартом и в его глазах зажглись озорные искорки.

– Вира помалу! – скомандовал Воронин, когда приготовления закончились.

Живая цепочка передала команду машинистке подъема, трос с затопленным в стволе сосудом натянулся, медленно пошел вверх.

– Стоп! – закричал Воронин, – стоп! Я же инструктировал машинистку, твою мать, а она дала «вира» не той клети..., сосуду! Ко мне ее, быстро!

Цепочка передала команду «стоп» и вскоре из открытой двери подъема вышла Глафира, машинист. Она с разгневанным выражением лица подошла к главному инженеру.

– Глаша, – обратился к ней Воронин, – я же тебе объяснял! «Вира помалу» нужно сделать тем сосудом, что лежит у ствола. Когда ты его выведешь, так, чтобы мужики смогли направить в ствол, тогда я дам команду «майна помалу». Что непонятного?

– Откуда ей могла быть заранее известна фазировка? – вступился за Глашу электрослесарь, который кричал Воронину, стоя у открытой двери, – это неизвестно пока не попробуешь!

– Какая фазировка? – не понял Воронин, – по натянутому канату нужно было ориентироваться. Иди Глаша за рычаги управления и сделай «вира помалу» другим плечом каната.

– Хватит спорить! – предупредил Стародубцев, – ничего страшного не произошло!

Глаша вернулась на рабочее место и, не дожидаясь команды Воронина, дала «вира помалу» другим плечом каната.

– Стоп! – закричал Воронин, – стоп! Ко мне ее, быстро!

– Чего опять я неправильно выполнила? – спросила Глаша, выглядывая из двери.

– Ты команду мою не дождалась! – гневно кричал на Глашу Воронин, – всё делать только по команде! Поняла, клуша? Совсем разучились работать за время войны....

Глаша с рассерженным видом скрылась в помещении подъема. Воронин разозлился на машинистку и минуту успокаивался, прежде чем выдать команду. Когда натянулось нужное плечо каната, сосуд, лежащий на полу у ствола, начал подниматься верхним краем. Его за оттяжки держали Михаил и Павел Прохоров. Все шло, как запланировали, через несколько минут сосуд повис над стволом, а растяжки вытянулись до предела. Михаилу с Павлом с трудом удавалось сдерживать раскачку. К ним подбежали несколько человек и успокоили груз.

– Теперь отдай команду «майна помалу», – требовал Михаил от Воронина, – иначе первый, затопленный сосуд может лечь на бок и зацепится там за какую-нибудь хрень!

– Майна помалу! – скомандовал Воронин, и цепочка передала его указание машинисту.

Подвешенный сосуд пошел вниз, и через несколько секунд достиг своим верхом нулевой отметки.

– Стоп! – крикнул Воронин и машина остановилась.

Оба плеча каната равномерно натянулись, и можно было начинать практическое опробование новаторской идеи.

– Пусть немного побудут в таком положении, – предложил Воронин, а вы Михаил и Прохор задвиньте желоба для слива воды в рабочее положение. Передайте электрослесарю, чтобы поставил на место концевые, включил сигнализацию и проверил упоры для открытия клапана сосуда.

Только сейчас Стародубцев заметил, что за работой людей наблюдает Шibaев, приехавший на шахту после запуска энергопоезда. Он оставил свой «Виллис» далеко от ствола и незаметно приблизился к месту работы.

– Здравия желаю, Василий Филимонович! – приветствовал его Стародубцев, – Вы, как нельзя вовремя! Только что закончили подготовку, можно приступить к первому подъему воды....

– Здравствуй, Федор! – ответил Шibaев, – я только что проводил заместителя наркома Шумерского и сломя голову на твою шахту. Как думаешь, не опозоримся со своим рацпредложением?

– А чего думать, работать нужно! – с задором ответил Стародубцев, – я предоставляю Вам право отдать команду на начало главного этапа работ!

– Ну, хорошо! – с улыбкой произнес Шibaев и, перейдя на громкий командный голос, – товарищ Стародубцев, приказываю начать откачку шахты!

Воронин распустил «живую цепочку» окриком «расходитесь по рабочим местам» и, подойдя к рукоятке сигналиста ствола, дернул ее. Послышалось знакомое каждому шахтеру «дзынь-дзынь» и трос первого затопленного сосуда медленно пошел вверх. Через несколько минут скорость подъема увеличилась, и вскоре сосуд вышел на нулевую отметку. Скорость сбросилась до «медленно вверх» и сосуд остановился. Но открытия клапана не последовало и все, кто находился у ствола, с огорчением смотрели вверх, где установлен концевой переключатель и упора для открытия клапана.

– Гриша! – закричал Воронин электрослесарю, – регулируй упору!

Электрослесарь, захватив с собой легкую кувалду, полез вверх по металлической лестнице копра, и вскоре послышались его удары.

– Что там? – громко спросил Воронин, когда удары стихли.

– Я подогнул упору немного вправо, рычаг сосуда не попадал на нее, – откликнулся Гриша, – сейчас подрегулирую концевой.

– Всё, готово! – послышался через несколько минут голос Гриши, – дайте сигнал «тихо вверх»!

Воронин дернул за рукоятку сигнала, и сосуд плавно подскочил вверх, открылся спускной клапан в его нижней части, и вода мощным потоком хлынула в желоб. После того, как сосуд слился полностью, Воронин еще раз дал сигнал. Сосуд пошел вниз, а на смену ему появился такой же другого плеча. Когда он достиг упора, его клапан нормально открылся, и вновь вода мощным потоком хлынула в желоб. В этот момент раздалось дружное «ура» и громкие аплодисменты. Все кто находился у ствола, искренне радовались удачной работе подъема. Шibaев широко улыбался, обнял Стародубцева и, хлопая его по спине ладонями кричал «молодец Федор!».

– Вы больше благодарите Таликова и Воронина, – скромничал Стародубцев, – это их детище!

– Давайте еще несколько циклов понаблюдаем, – предложил Шibaев, – а потом соберешь людей на митинг! Нужно поблагодарить всех за отлично проделанную работу. И главное чтобы все коммунисты твоей парт ячейки высказались по этому поводу.... У тебя их всего шесть человек, так что времени на это много не потребуется.

Стародубцев подал знак Воронину о продолжении испытания, но тот поставил на сигнал обученную женщину по имени Варя.

– Варя, становись на свое рабочее место, – приказал Воронин, – я хочу посмотреть, как будешь справляться.

– Я не против, товарищ главный инженер, – шутила Варя, – я привыкшая за конец дергать! Чего в этом сложного?

– Ты мне шуточки свои брось! – показушно сердился Воронин, – работа ответственная и негоже в присутствии первого секретаря опозориться. Становись на сигнал!

Варя стала на место и дернула за рычаг, раздалось знакомое «дзынь-дзынь» и подъем начал работу. Шibaев достал карманные часы и принялся засекал время полного цикла.

– По моим замерам, – многозначительно произнес секретарь через четверть часа, – кубов пятьсот в час можно откачать. Медленно погружается пустой сосуд, но и это очень неплохо, почти вдвое больше дизельного насоса.

По выражению его лица было заметно, что секретарь доволен производительностью откачки. Он улыбался и радовался, как мальчишка, увидевший первый раз в жизни автомобиль. А на противоположной стороне от ствола Михаил беседовал с Павлом.

– Башковитый ты Мишка, – хвалил его Павел, – смотри, сколько воды за полный цикл сливает! Молодец! Я бы не допетрил до такого....

– Я только идею подал, – возражал Михаил, не любивший похвал, – а рассчитал всё и начертил Воронин. Это он голова! Сделал быстро, и как видим, правильно – всё работает....

Вот ведь как бывает, когда он был заведующим шахтой Красина, то слыл в коллективе, как ни рыба, ни мясо.... Тогда я и подумать не мог, что Воронин сможет выдать такое изобретение!

Стародубцев приказал собраться всему коллективу у здания подъема и когда там появились люди, он с Шibaевым подошел к толпе. Мужиков было мало, две трети коллектива составляли женщины. Секретарь обвел взглядом собравшихся, прокашлялся и начал.

– Дорогие товарищи! – громко произнес он, – вы все молодцы и я благодарен вам за хорошую работу. Особенно хочется отметить инициаторов создания этой установки водоотлива – Таликова и главного инженера Воронина. Из резерва горкома партии они будут премированы денежным вознаграждением в размере пятисот рублей каждый и талонами на усиленное питание....

– Я не согласен! – выкрикнул Михаил, – ведь это Воронин изобрел такой водоотлив и ему нужно дать восемьсот рублей премии, а мне и двухсот хватит за идею....

– Ты коммунист? – спросил Шibaев.

– Нет! – ответил Михаил, – я никогда не был в партии, а что?

– Если бы ты был коммунистом, – улыбаясь, произнес Шibaев, – то получил бы сейчас от меня выговор без занесения за то, что перебиваешь первого секретаря горкома. Я сказал по пятьсот каждому, и баста!

– Это нам теперь и баста! – бурчал Михаил, отходя в сторону.

– Чего? – не понял Шibaев.

– Я сказал, что теперь Вам руководить, а нам и баста! – перефразировал шутку Михаил.

Шibaев с недоумением взглянул на Михаила и продолжил. Он еще с минуту выступал и воодушевлял всех на трудовые свершения, особо благодарил женщин, которые пришли на шахту, чтобы заменить мужчин воюющих на фронте. Секретарь сказал, что шахте «Красенькой» повезло, потому что она самая маленькая из тех четырех, на которые подано напряжение и коллектив должен приложить все силы, чтобы оправдать доверие. Затем по очереди выступили коммунисты, и Михаилу сразу понравился один из них. Это был молодой мужчина по фамилии Крюков, вернувшийся с фронта на восстановление шахт. Он по специальности был врубмашинистом, как Катя и тут же предложил восстановить врубовую машину, которая еще с мирного времени ржавела в груде металлолома. Михаил тоже вспомнил, что на территории взорванной шахты Красина в довоенном металлоломе видел врубовую машину с сожженным электродвигателем. Ее тоже стоило привезти сюда и из двух собрать одну.

Членом партии была и Глаша, машинист подъема. Катя уже сдружилась с ней, и они весело обсуждали шепотом работу нового водоотлива. Катя хвасталась, что идея принадлежит ее куму и радовалась его премированию секретарем горкома партии. Электрослесарь Григорий тоже был коммунистом, но когда Стародубцев дал ему слово на митинге, растерялся и не мог связать трех слов.

– Я это..., как его? – начал он, сбиваясь, – чего сказать-то хочу? ...Эх, да чего языком-то молоть? Напряжение дали шахте и за то спасибо! А остальное за нами, ...ну и, конечно, за вами.... А если честно, то за всеми....

Дружный смех заглушил его дальнейшие слова, и неудавшийся ритор, красный, как вареный рак сам с себя смеялся из-за несуразной речи.

...Шibaев уехал, и с этого дня подъем ни на день не прекращал откачку воды, Стародубцев организовал двухсменную работу по двенадцать часов. По его расчетам, ствол и коренные штреки можно было откачать за две недели, а затем использовать насос, оставшийся с дизельной установки. По распоряжению управляющего треста, ее двигатель был снят несколькими днями ранее и отправлен на комплектацию передвижной электростанции. Взамен по железной дороге из эвакуации, привезли мощный высоковольтный мотор и специальный кабель к нему.

– А из каких расчетов, Федор Васильевич, Вы исходите, что ствол и коренные выработки можно откачать за две недели? – спросил Воронин у Стародубцева, когда тот собрал очередное совещание коллектива.

– Посчитай сам кубатуру, – отозвался Стародубцев, – ствол глубиной 50м и диаметром шесть, плюс около 2-х км коренных! У меня получилось примерно шестьдесят тысяч кубометров.

– А приток как Вы учли? – не унимался Воронин.

– От фонаря, – отвечал Стародубцев, – по опыту знаю, что если ствол затоплен водой, нужно объем выработок умножить на три. Получается почти 180 тысяч кубометров, а по времени где-то пятнадцать суток работы, если за одни откачивать 12 тысяч. Я ведь после гражданской войны, еще пацаном, принимал участие в восстановлении петропавловской шахты....

– Смелое утверждение, – иронически заметил Воронин, – хотя практика скоро покажет....

– Нужно подумать, как будем в дальнейшем производить откачку? – предложил Стародубцев Воронину, – ведь стационарный насос невозможно таскать по шахте или постоянно наращивать ему заборный шланг.

– Я не знаю эту шахту, – отвечал Воронин, – в тресте не сохранилась даже карты шахтных полей «Красненькой». Всю документацию не успели вывезти при эвакуации, и немцы сожгли ее. Мне известно только то, что эта шахта гораздо меньше, чем Красина, на которой я работал, и я надеюсь исследовать выработки, когда будет возможность опуститься и пройти по коренным штрекам.

– Среди нас есть кто-нибудь, кто работал до войны на «Красненькой»? – спросил собравшихся Стародубцев.

Коллектив молчал. Получалось, что никто из работников от заведующего до разнорабочего не были знакомы с горными выработками шахты, которую откачивали.

– А чего заранее гадать? – вступил в разговор Прохоров, – правильно главный инженер говорит, откачаем коренные штрека и посмотрим своими глазами. Эта шахта, скорее всего, как Красина с западным и восточным крылом, а может и однокрылая....

– Это и коту понятно! – прервал его Стародубцев, – я помню, когда ты служил у меня в полковой разведке, то именно так и воевал, как Суворов: «Придем, увидим, победим!» Я же ясно сказал, что такой насос таскать по шахте невозможно, ведь он стационарный. Сколько бы крыльев у шахты ни было, будут рабочие уклоны, которые необходимо откачать. Поэтому и спрашиваю....

– В любом случае нужно восстанавливать стационарный водоотлив, – заметил Воронин, – без этого невозможно добывать уголь. Тем более я знаю, что эта шахта обводнённая, не сравнить с Красина.

– Это так, – заверил Михаил, – ведь ствол Красина до сих пор не затопило. Я подходил к шейке ствола, когда мы заготавливали там двутавровые балки и бросал вниз камни. Если бы ствол затопило, то я бы услышал всплески, но камни бесшумно падали, как на пуховую подушку. Наверное, на останки погибших.... Вечный им покой!

– Пока Артем ГРЭС не будет давать достаточного количества электроэнергии, – продолжил рассуждать Воронин, – вряд ли удастся добиться довоенной добычи, ведь все придется делать вручную.... Отбойку и погрузку, транспортировку до ствола и так далее....

– И что? Будем ждать, пока электростанция начнет работать на полную мощность? – ехидно спросил Стародубцев.

– Нет! Но нужен хотя бы еще один такой насос, – ответил Воронин, – а если будем восстанавливать оба уклона, то два!

– Еще один насос нам пообещали в тресте, – информировал Стародубцев, – но я спрашиваю не о том. Нам сейчас нужно придумать, как откачивать уклоны?

– Соорудить из бревен плот, – неожиданно предложил Михаил, – на него установить насос! Уровень воды в уклоне будет опускаться по мере откачки и плот с насосом тоже. Шланг выдачи наращивать в таком случае не понадобится. Его придется постоянно переврывать в водоотливной став.

– Хорошая мысль, Михаил, – подхватил предложение Воронин, – один насос ставим на главный водосборник, а другим уклон можно откачивать. Михаил, ты и впрямь башковитый мужик! Ты техникум заканчивал?

– Четыре класса церковно-приходской школы, – с улыбкой ответил Михаил, – а еще бухгалтерию у нэпмана освоил... Тут не диплом главное, а смекалка! ...И желание быстро наладить работу, чтобы уголек из лавы пошел. Я ведь без отопления детей потерял за две зимы...

На этом совещание закончилось, люди разошлись и продолжили работу. Начали восстанавливать контору шахты, здание компрессорной и столовой. Проблема с работой бань оставалась пока неразрешимой из-за отсутствия воды в городе, котельная тоже была разрушена. А без бани шахтеры не представляли себе производительной работы. Баня для шахтера – это не помывочное помещение, а своеобразная оздоровительная процедура. Каждый, кто хотя бы день отработал в шахте, знает, что затраченные в забое силы быстро восстанавливаются после бани. А пока ходили с работы грязными, и мылись дома, кто, как мог, водопровод в городе не работал.

Расчет Стародубцева к удивлению Воронина оправдался, примерно через десять суток сосуды подъема стали заполняться все меньше и еще через два дня, только наполовину. Учитывая, что нижние концевые и пульт подстволового сигналиста были отключены, машинисты подъема ориентировались по указателю, проградуированному по длине троса. Исходя из глубины зумпфа в шесть метров, Воронин приказал машинистам подъема «опускать сосуд в зумпф, чтобы не «гонять порожняка». Для этого он собственноручно сделал риску на шкале указателя подъемной машины.

И вот настал тот день, когда нужно было опуститься в руддвор шахты и посмотреть подстволовые выработки. Чтобы не перецеплять клеть вместо одного из сосудов, Стародубцев, Воронин и Прохоров решили опуститься в нем. Заклинили сливной клапан и влезли в сосуд по лестнице, приставленной к нему на нулевой отметке. Эту двухметровую лестницу они взяли с собой. Вместо бензиновых шахтерских ламп у Стародубцева и Прохорова были армейские фонарики на батарейках, привезенные с фронта, а Воронин должен был довольствоваться бензиновкой.

– Откуда у вас такие фонарики? – удивился Воронин, – хотя я и сам вижу, что армейские.

– Это трофейные, – уточнил Прохоров, – немецкие! Видишь, надпись «Дайман», такими фонариками обеспечивали солдат вермахта. Каждый раз, возвращаясь с задания, я приносил сразу по несколько штук в подарок бойцам полка и командиру своему тоже. Я собирал их у убитых моими ребятами немцев за линией фронта.

– Они не годятся для работы в шахте, – резюмировал Воронин, глядя на фонарик Павла, – корпус слишком нежный!

– Это почему? – возражал Павел, – корпус металлический. По-твоему, на войне годится, а для шахты нет? Сразу видно, что ты не воевал! У меня дома еще два десятка имеется... Я специально собирал их, когда объявили, что шахтеров с фронта направят на восстановление шахт. Теперь раздаю фонарики всем десятникам, чтобы им легче было осуществлять технический надзор во время работы. Михаил уже получил свой, да еще с двумя запасными батарейками. Вот смотри, его можно прицеплять к пуговице...

Павел пристегнул фонарик к пуговице на груди и с торжественным видом посмотрел на Воронина.

– А батареек надолго хватает? – сомневался Воронин, – когда сядет батарейка, что будешь делать? Выбросишь?

– Батарейки хватало на несколько ночей, – ответил Павел, – я и ими запасаю в приличном количестве....

Тем временем сосуд пошел вниз, Стародубцев тоже включил свой фонарик. От этого внутри сосуда было светло и можно было видеть лица друг друга.

– Ты проинструментировал машинистку подъема, чтобы она нас в зумпф не опустила? – спросил Стародубцев.

– Конечно! – заверил Воронин, – она должна остановить по заводской отметке указателя на шкале.

Вскоре сосуд остановился, и Стародубцев влез по лестнице на верхний край сосуда. Он стоял на нем ногами, держался за канат и светил фонариком вокруг ограждения.

– Что там, Федор Васильевич? – нетерпеливо спросил Воронин.

– Хока там! – в шутку ответил Стародубцев, – а ты хотел бабая здесь увидеть? Это я так внука своего пугаю.... Воды в руддворе примерно по колено, так что, поднимайтесь оба и становитесь на край сосуда, держась за канат. Затем вытащим лестницу, приставим к стенке сосуда снаружи, опустимся и пойдем по шахте на разведку.

Вскоре Стародубцев, Воронин и Прохоров благополучно спустились по лестнице в околоствольное пространство. Сапоги сразу же погрузились до краев голенищ в жижу. Оказалось, что это был угольный ил, покрытый слоем воды примерно в десять сантиметров. Мало кто из горняков опускался в шахту, откачанную после затопления. Никто не знает, что происходит здесь, когда вода начинает поступать в свободное пространство горных выработок. Стихия подземных вод не изучена и в учебниках по горному делу об этом не сказано ни слова.

Стародубцев и Прохоров светили своими фонариками на кровлю, крепь и стены выработка руддвора, с которых продолжала капать вода. Это был подземный дождь. Набравшие воды, вмещающие породы теперь отдавали ее и образовывали капель по всем выработкам. Казалось, что в подземной тишине шахты звуки миллионов капель, падающих на слой не скачанной воды поверх ила, исполняли трагическую симфонию погибшей от затопления шахты, навевали плохое настроение и страх. Воронин приблизился к одной из стоек крепи и ударил по ней кулаком.

– Крепь еще добрая, – резюмировал он, – надеюсь, и дальше по штрекам будет такой же!

– А чего ей гнить без воздуха? – шутливо спросил Стародубцев, – в воде лесиняки наоборот твердеют. Наши предки так дуб морили.... Это после откачки воды начнется интенсивное гниение и если не будет проветривания, то через год придется менять крепь по всем коренным выработкам. Давайте продвигаться к штрекам и смотреть дальше.

Все трое двинулись, осторожно ступая, чтобы не зачерпнуть голенищем сапога ил. Их шаги добавляли в музыку капель своеобразный звук, превращающийся в эхо, уносимое дальше по шахте. Эта подземная магия впечатляла и настораживала. Стародубцев достал из бокового кармана папиросы, закурил и, освещая лучом фонарика дым, смотрел, как его потянуло потоком воздуха.

– Естественная вентиляция работает и это хорошо, – сказал Стародубцев, – дым тянет....

– Самотяг в руддворе еще не означает хорошего проветривания в лавах и по уклону, – высказал свое мнение Воронин, – а вентилятор запускать пока нельзя из-за ограничений по мощности потребляемой электроэнергии.... Да и самого вентилятора еще нет!

– Не каркай! – шутливо сказал Стародубцев, – по ходу работ видно будет!

– Это ты имел в виду мою фамилию? – также в шутку спросил Воронин, – тогда я понимаю, откуда ты знаешь всё о мореном дубе....

– Откуда здесь столько ила? – непонятно у кого спросил Павел, – как в Грушевке нашей!

– Это всю угольную и породную пыль смыло со стен и кровли, – предположил Стародубцев, – дальше от ствола его должно быть поменьше.

– Почему? – не унимался Прохоров.

– Его потоком нанесло к стволу при откачке воды, – пояснил Воронин, – и весь этот штыб будем выдавать на-гора. Когда он высохнет, то им можно топить печь. Это как естественная флотация при обогащении – сверху будет угольный штыб, а снизу породный! Но главное, конечно, почистить штрека.

Так, разговаривая о том, о сем, тройка исследователей вышла на коренной штрек. Трудно было сориентироваться восточный это или западный коренной штрек. Но теперь стало понятно, что шахта не была однокрылой, потому, что немного дальше другой коренной штрек уходил в противоположную сторону. Пройдя около двухсот метров, илу действительно стало меньше, да и слоя воды сверху уже не было, а еще через сто метров, показались электровозные рельсы.

– Смотрите, сцепка порожняка дальше, – Павел осветил их фонариком, удивляясь, – значит, не успели все эвакуировать!

– Это хорошо! – согласился Стародубцев, – но я часто задаю себе вопрос: «почему немцы не восстановили шахту, ведь наши не успели ее взорвать?»

– Потому что не допетрили, как подъем можно использовать для откачки! – в шутку сказал Павел.

Прошли еще метров сто и обнаружили на путях электровоз с партией вагонов груженных углем. Его явно бросили в спешке по причине отключения электроэнергии.

– А вот и первая партия добычи, – весело сказал Стародубцев, – можно выдавать на-гора! Электровоз, конечно, намок капитально, придется сушить.

– Чем сушить в такой сырости? – скептически заметил Павел, – выдать его на-гора?

– Подумать надо, – отозвался Воронин, – главное, что у нас есть электровоз и две партии порожняка, а это в условиях войны – клад!

– Не случайно товарищ Шибаетов сказал, что нашей шахте повезло! – радовался Стародубцев, – я на последнем совещании в тресте много чего слышал о проблемах на тех шахтах, которые уже дают добычу. Всё вручную: в забоях, как до революции, рубят пласт обушком, по штрекам ручная откатка до ствола, а там воротом на людской тяге выдают уголек на-гора. А к 1-му мая «Ростовуголь» должен отправить в подарок Москве сверхплановый эшелон угля, а это где-то вагонов сорок... Нас тоже поторапливают, чтобы шахта к празднику выдала на-гора первый уголь!

Наконец дошли до уклона, он был затоплен по самое сопряжение с коренным штреком. От ствола он находился на расстоянии примерно восьмьсот метров. В нише напротив уклона сохранилась большая лебедка, которой производилась откатка по уклону.

– Ёлки-моталки, – радовался Стародубцев, – все есть у нас для добычи! По крайней мере, на одном из уклонов, но нужно обследовать и другое крыло шахты. Пошли, посмотрим, что сохранилось там?

...Михаила оставили у ствола с сигнальщиком Варей. Главный инженер опасался, что женщины могут растеряться в случае непредвиденных ситуаций и присутствие опытного Михаила здесь, необходимо. А он начал уже волноваться долгим отсутствием Стародубцева, Воронина и Павла. Их не было больше часа, а по предварительной договоренности, они должны вернуться после осмотра руддвора.

– Павел! – крикнул Михаил, подойдя к шейке ствола, – ты слышишь меня?

Ему никто не ответил, Михаил повторил окрик, снова тишина.

– Чего ты зря нервничаешь? – удивилась Варя, – придут, никуда не денутся!

– Ты слишком спокойная, – огрызнулся Михаил, – в шахте была когда-нибудь?

– Нет, не была ни разу, – ответила женщина.

– Оно и видно! – с легкой злобой сказал Михаил, – это тебе не в погребке картошку перебирать!

– Павел, ты меня слышишь, мать твою дивизию! – снова прокричал Михаил, спустя некоторое время.

– Да слышу, не кричи, как резанный! – донеслось из под ствола, – мы же обследовали всю шахту, не только рудвор. Сейчас, грузимся в сосуд. . . .

Прошло несколько минут, прежде чем Воронин прокричал Михаилу, чтобы Варя давала сигнал вверх. Когда сосуд оказался на нулевой отметке и исследователи вылезли из него, Михаил понял, что их радость ненапрасна.

– Электровоз нашли, вагонетки и две лебедки по одной на каждом уклоне! – с улыбкой сообщил Стародубцев, – так что с завтрашнего дня всем готовиться в шахту! Мужики начнут спуск и монтаж насоса центрального водоотлива, а женщины будут чистить рудвор и коренные штреки.

– И самое первое, водосточные канавки, – добавил Воронин, – вода будет прибывать и нужно, чтобы она беспрепятственно сходила в водосборник. А сейчас нужно вместо сосудов поставить клетки. . . .

Спустя неделю после того, как Михаила приняли на работу, к нему в гости пришел Юрьев. Был поздний вечер, Михаил обмылся водой из колодца и согрелся, укутавшись теплым верблюжьим одеялом. Марфуша готовила общий ужин, Катя по-прежнему столовалась у Михаила, хотя и перешла в свой дом. Вместе легче было бороться с голодом, который царил в годы оккупации и только с приходом наших войск пошел на убыль. С первых дней освобождения начали работу пункты по выдаче хлебных и продовольственных карточек и своевременное их обеспечение. А сегодня ужин был особенным, Марфуша варила суп с настоящей тушенкой, и забытый давно мясной запах распространялся по всему двору через открытую форточку.

– Мишка, ты никак на работу устроился? – спросил Юрьев, войдя в дом и втягивая аппетитный воздух носом.

– Что значит никак? – наигранно удивился Михаил, – вот именно как! Ты Косой зубы не заговаривай, выкладывай, зачем пришел? Если опять муки просить в долг, то Марфуша на днях последнюю выскребла. . . .

– Мука она, конечно же, не помешала бы, – интриговал Юрьев, принохиваясь, – но у меня к тебе вопросов много накопилось.

– Ты прямо, как прокурор на суде! – усмехнулся Михаил, – выкладывай свои вопросы. . . .

– Ты в горсобесе стал на учет, как инвалид труда? – спросил Юрьев – иначе пенсию не будут давать!

– Я теперь на работе с раннего утра и до позднего вечера, – ответил Михаил, – а что, разве горсобес уже работает?

– Работает! Я сегодня ходил становиться на учет, – проинформировал Юрьев, – для этого нужно иметь удостоверение инвалида. Если оно у тебя сохранилось, то предъявишь его и все! Документы ведь пропали за время оккупации. . . . Если нет удостоверения, то труба делу, ВТЭК обязательно нужно проходить, а его еще нет в городе. . . .

– Выберу время схожу в собес, но мне пенсию никто платить не будет, если я работаю, – сомневался Михаил.

– Напрасно ты так думаешь! – уверял Юрьев, шмыгая носом, – инвалидов Отечественной войны, изъявивших желание работать, горсобес сам трудоустраивает на предприятия города. И пенсию платит, а остро нуждающимся выдают еще и единовременную помощь 3—4 тысячи рублей. Открыли для инвалидов войны специальную столовую. . . .

– Так это же для инвалидов войны, – прервал Юрьева Михаил, – а для инвалидов шахтерского труда таких льгот может и не быть! Моя пенсия в двести рублей хватит на буханку

хлеба по ценам барахолки, а на шахте я получаю ежедневно по карточке кило. Талоны на усиленное питание отоваривают тушенкой и рыбными консервами, подсолнечным маслом, сахаром. А ты бы тоже шел в шахту к нам.... Если хочешь, я договорюсь со Стародубцевым, чтобы тебя приняли.

– Косого в шахту не возьмут, – возразил Юрьев, – а на поверхности много не заплатят. Я лучше корову куплю и как до войны буду молочком приторговывать. Вчера встрел одного колхозана на базаре, так он говорил, что в Персиановке можно коровенку купить по сходной цене!

– А деньги есть на корову? – спросил Михаил.

– Есть! Я еще после продажи Зорьки в первые дни оккупации отложил деньги на корову, – признался Юрьев, – так что НЗ имеется!

– Косой, ты же у меня в долг муку постоянно занимаешь, – разозлился Михаил, – а денежки, значит, припрятал....

– Мишь, ну это же я для расчета с тобой хочу корову купить, – опомнился Юрьев, понимая, что проболтался, – молоком за муку отдам долг!

– Молоком не возьму, исключительно сметаной! – с серьезным видом шутил Михаил, – покупай корову, что сметаной доится и сливочным маслом срет!

– Ты шутишь, сосед, а я серьезно, – обиделся Юрьев, – такой скотины не бывает!

– Бывает, Косой, – продолжал розыгрыш Михаил, – любая корова способна доиться сметаной, нужно только правильно за сиськи дергать. Вот ты, например, знаешь, как твоя баба доит корову?

– Как обычно, – растерянно отвечал Юрьев, – дело-то нехитрое....

– Это тебе так кажется! – шутил Михаил с серьезным видом, – я недавно прочитал в одной книжке, что если корове час-полтора массировать вымя, то сразу можно получить сметану.

– А сливочное масло как же? – загорелся интересом Юрьев.

– Массировать брюхо корове, – шутил Михаил.

– А куда же она ляпать маслом должна? – искренне удивлялся Юрьев, – на грязный пол?

– Так подставь ведро вовремя под хвост! – улыбался Михаил, еле сдерживая смех, – ... выкладывай, что еще у тебя накопилось ко мне?

– Слышал я, что при шахтах детские сады открывают, – с важным видом информировал Юрьев, – школы рабочей молодежи! Горный техникум объявил прием студентов....

– Я не понял, ты корову хочешь покупать или решили с бабой родить еще одного ребенка? – смеялся Михаил, – а может поступить в горный техникум? Какой вопрос ко мне?

– Правда это или брешут люди? – спрашивал Юрьев, пригнувшись и оглядываясь по сторонам. Его явно возбуждал мясной запах супа.

– Это в газете «Красный шахтер» писали! – отвечал Михаил, – с первых дней освобождения городская газета начала работу и я по почте получаю ее. «Красный шахтер» брехать не станет!

– Я к чему у тебя спрашиваю? – продолжал Юрьев, – вдруг немцы снова вернуться? Что тогда?

– Не вернуться! – твердо заверил Михаил, – гонят фашистов по всем фронтам! Научились воевать и бить этих гадов, товарищ Сталин сам руководит военными операциями. Мы восстанавливаем шахты не на временную работу.... Так что, можешь не волноваться!

– Да как же не волноваться? – сокрушался Юрьев, – ведь если корову куплю, что мне тогда с ней делать в случае новой оккупации города? Фашисты ведь отберут кормилицу....

– А-а-а, я понял, Косой, – догадался Михаил, – все твои вопросы связаны с покупкой коровы! А я-то думал, ты переживаешь за восстановление шахт, за Родину, за победу над фашизмом!

– И за это тоже! – повысив голос, заявил Юрьев, – мне главное сейчас определиться, покупать корову или еще рано? Ждать-то ведь невыгодно, подорожать может скотина и у меня денег не хватит....

– Куркуль ты, Косой! – отшучивался Михаил, – шкурник и несознательный элемент.... Покупай корову, и ведро сметаны мне за муку принесешь! Что еще у тебя накопилось?

– Гулял я недавно по степи, – продолжал Юрьев, – смотрел, как травы в этом году....

– Пастбище для коровы высматривал..., – смеясь, добавил Михаил.

– Ну, да, – согласился Юрьев, – так вот, я вспомнил, как ты переживал за Красинский сад и решил заглянуть на его бывшую территорию. Ты знаешь, Мишка, оживает сад-то, назло всему – фашистам, полициям и войне! Сейчас вместо деревьев одни пни торчат, но возле каждого из них пошли выгонки, побег от старого корня, значит.... Через несколько годков восстановится Красинский сад, возродиться, даже с той планировкой, что была до войны!

– Вот за эту новость, Косой, я тебе даже сто грамм самогонки налью, – торжественно пообещал Михаил, – садись ужинать с нами! Сегодня Марфуша суп пшеничный сварила с американской тушенкой, что мне на талоны усиленного питания отоварили.

– Нюхом чую, что мясом пахнет, – с довольным видом улыбался Юрьев, – спасибо тебе, сосед, я не откажусь от такой вкуснятины....

Михаил поднялся и вместе с Юрьевым прошел в комнату, считавшуюся кухней, где стол уже был накрыт и Марфуша с маленькой Надеждой на руках и рядом сидящей Катей, ждала мужа к столу.

– Этому Кутузову тоже суп наливать? – спросила Катя.

– И не только суп, – весело отвечал Михаил, – у меня где-то осталась бутылка с самогонном, нужно налить ему сто грамм. Он весть добрую сегодня принес, заработал!

Катя поднялась из-за стола, налила порцию супа, принесла из кладовки бутылку с самогонном и поставила стопку перед Юрьевым. Он с удивлением смотрел на горку нарезанного хлеба, выставленную Марфушей на центр стола в ожидании супа. Затем быстро схватил кусок хлеба и принялся жадно жевать, давясь от голода.

– Не жадничай, Косой! – предупредил Михаил, – иначе заворот кишок может случиться.

– Жалко хлеба? – чавкая, спросил Юрьев, – так я кусок-два съем и все!

– Не жалко, если я сам пригласил тебя за стол! Мы каждый день с Катей получаем по карточкам по кило хлеба, – сказал Михаил, – но после голода много кушать нельзя, иначе заворот кишок произойдет.

– Я же тебе не корова, – упорствовал Юрьев, выпив залпом налитую ему самогонку, – это у скотинки бывает заворот кишок....

– Ты не умничай, сосед, – вмешалась в разговор Катя, убирая со стола самогон, – спроси у тетки Махоры, она тебе расскажет, что на нашей улице уже случался заворот кишок у Митрохиной. Чуть было не померла, хорошо, что фельдшер вовремя приехал из горбольницы.

Длительная голодовка таит в себе для организма человека коварный сюрприз, когда у него появляется возможность наестся. Кишечник, отвыкший от пищевых нагрузок, может быть подвержен непроходимости отдельных его частей, которая зачастую приводит к летальному исходу. Пережил человек голод и, кажется, что самое страшное уже позади, но не тут-то было – от первого обильного количества пищи, перекрутит кишечную петлю вокруг оси брыжейки, нарушится кровоснабжение кишечной стенки и сформируется непроходимость пищеварительной трубки. Об этой опасности мало кто знал и при выходе из голодовки участились смертельные случаи от заворота кишок. Врачи и фельдшера, которых в Шахтах было еще мало, терпеливо объясняли людям, выезжая на оказание скорой медицинской помощи, что наедаться после голода опасно для жизни.

Рассказ Юрьева о том, что Красинский сад всходит новыми побегами, действительно обрадовал Михаила. Он был неверующим человеком, но этот уголок довоенного шахтерского

благополучия был для него символом и оракулом. Он интуитивно верил, что если деревья начали вторую жизнь своими побегами, то всё вернется и будет, как прежде. Город возродится из пепла, вновь станет центром индустриализации страны, и профессия шахтера будет востребована и почетна.

И первая зарплата, выданная на шахте кассиром треста, подтверждала эту веру. До войны деньги выдавали каждую субботу, теперь по меркам военного времени – раз в месяц, но суммы заработка впечатляли. Страна вновь бросила на восстановление шахт колоссальные ресурсы и, несмотря на войну, стимулировала возрождение угольной промышленности. При ставке в 400 рублей, Михаил получил за первый месяц работы – три тысячи сто. Павел Прохоров и того больше – 3 680 руб, Катя – 2 960 рублей.

С этого же месяца началась регулярная «добровольная» подписка на облигации государственного займа и четверть полочки выдавали этими «ценными» бумагами. И пусть деньги были обесценены высокой стоимостью муки, сахара, керосина, хлеба, водки, жиров и одежды на барахолках города, такие зарплаты позволяли покупать товары, недоступные большинству жителей и питаться без ограничений военного времени. А большие пайки по хлебным и продуктовым карточкам, по талонам усиленного питания быстро сделали все шахтерские специальности престижными и почетными.

Город постепенно преображался, ремонтировались разрушенные здания, благоустраивались центральные улицы, начинали работу предприятия местной промышленности. Ускоренно ремонтировался водовод от Дона к городу и его насосные станции, восстанавливалась телефонная связь и радиофикация. Ремонт конторы шахты «Красенькой» еще не был окончен, а туда уже протянули провод и установили телефон. На каждом предприятии и в центре города на столбах появились репродукторы, вещающие весь день. Теперь можно было слушать сводки Совинформбюро и новости о восстановлении народного хозяйства СССР.

На прилавках магазинов стали появляться местпромовские товары. Шахтинский молзавод быстро наладил выпуск более десятка наименований продукции, а мясокомбинат приступил к выпуску конской и кровяной колбасы. Цена на этот продукт была коммерческой, но для военного времени это было чем-то сказочным. Артель «Коопобувь» шила сапоги, туфли и женские чупаки, а швейный кооператив «Привет» – носки и чулки. Горпромкомбинат выпускал многочисленные изящные детские игрушки, гончарные и швейные изделия, валенки, черепицу, артель «10 лет Промкооперации» наладила выпуск газировки и тернового вина. Водки в госторговле не было, а по коммерческим ценам и на барахолке ее покупали немногие. А вот бутылка «Терновки» стоила недорого и доступна была не только шахтерам.

В городе всё делалось для возрождения угольной промышленности, чтобы, как до войны она стала центром вращения других промышленных предприятий и населения, не занятого добычей угля. Зарабатывая большие деньги, каждый шахтер помимо членов своей семьи кормил вокруг себя еще несколько человек, оплачивая их услуги, работу и производимые ими товары. Все возвращалось на круги своя, как и до войны, когда наряду с государственными предприятиями, процветали кооперативное производство и торговля, артельная самозанятость населения и малые коммерческие предприятия.

В то же время никто не отменял введенные еще в начале войны строгие меры по борьбе с трудовым дезертирством и ограничение конституционных прав рабочих и служащих заводов и фабрик. А тем более для угольной промышленности, по сути военизированной в годы войны отрасли народного хозяйства. Нормой стали: семидневная трудовая неделя, двенадцати-часовой рабочий день, тюремный срок за самовольный уход, исправительно-трудовые работы за прогул и опоздание. Самое распространенное наказание для тех, кто не мог своевременно явиться на рабочее место, было так называемое 6—25. Особые полномочия руководителей восстанавливаемых шахт предусматривали единоличное принятие ими решения о взыскании

25% заработка в доход государства в течение шести месяцев для любителей поспать в утренние часы и опоздать на работу к началу смены.

Горнякам приходилось в неимоверно трудных условиях восстанавливать свои родные шахты. Но люди не пасовали перед трудностями, а противопоставляли им свою организованность, волю к победе, пытливно искали и находили новые пути к повышению угледобычи. На шахтах успешно совмещали профессии, десятки бригад, лав и шахт перевыполняли планы угледобычи. И шахтеры не имели права успокаиваться на достигнутых результатах. Уголь был, есть и останется хлебом промышленности. Он остро необходим был транспорту, нашим заводам и фабрикам, работающим для фронта, он нужен был Красной Армии. Вот почему горняки, успешно поработавшие в апреле, обязаны были не только закрепить эти успехи, но и добиться в мае-июне новых, еще более значительных побед.

Шибаете ежедневно проводил заседания бюро горкома партии, членами которого являлись начальник комбината «Ростовуголь» Каган и управляющий трестом «Шахтантрацит» Науменко. Начиналось каждое заседание с подробного отчета горняцких руководителей о ходе восстановительных работ на каждой конкретной шахте, причинах невыполнения плана добычи угля. Секретарь горкома и начальник комбината «Ростовуголь» еженедельно обращались к секретарям уральских, сибирских и Карагандинского обкомов, с просьбами оказания технической помощи по поставкам оборудования. Они отправляли официальные, совместные письма, в которых указывали, какую «железяку» нужно отправить, чтобы помочь шахтам города. И те, понимая, что коллегам больше некуда обращаться, находили возможность и отправляли в Шахты лебедки и врубовки, запчасти к ним, стальной трос, высоковольтный кабель, подшипники и прочее.

В середине мая, где-то в двадцатых числах комбинату «Ростовуголь» было присуждено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона СССР и первая премия за победу в социалистическом соревновании. Шибаете зачитал текст телеграммы на очередном заседании бюро: «Дорогие товарищи! ВЦСПС и Наркомуголь, рассмотрев итоги Всесоюзного социалистического соревнования за апрель 1943 года, признали комбинат «Ростовуголь» победителем в социалистическом соревновании и решили:

1. Вручить «Ростовуглю» переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Оборона;
2. Выдать первую премию «Ростовуглю», в размере 200 тысяч рублей;
3. Передать знамя с шахты №6 «Капитальная» треста «Кизелуголь» комбината «Молотовуголь» комбинату «Ростовуголь»;

На всех шахтах комбината прошли митинги. На «Красенькой» это событие совпало с пуском первых двух лав на восточном уклоне. Его откачали стационарным насосом, полученным из Караганды. Эти две лавы были готовы к работе сразу после откачки, их бросили во время эвакуации в рабочем состоянии, демонтировав в одной из них врубовую машину. В другой лаве она осталась в забое и теперь ее выдали на-гора для сушки и ревизии, поэтому остро стоял вопрос: как вести добычу? Компрессорной еще нет, и отбойные молотки не применишь. Стародубцев избрал правильный метод выработки решений на общем совещании коллектива. Только совместным умом можно было «решать уравнения с тремя неизвестными». Заведующий шахтой просил, предлагать даже самые несуразные решения. Когда начинался смех после высказывания какого-нибудь «сказочника», он решительно пресекал насмешки, чтобы люди не стеснялись и говорили, что думают.

– А чего гадать? – спросил Павел, – нужно работать пока дедовским методом, клеваками рубить! Откатку угля до самого ствола тоже вручную. Хорошо хоть подъем работает, на других шахтах и этого нет!

– Я понял тебя, Паша, – резюмировал Стародубцев, – кто еще желает высказаться?

– А что если использовать взрывчатку? – спросил врубмашинист Крюков – ведь на крепких пластах еще до войны буро-взрывным способом отпаливали забой, после выгружали лаву вручную... Или взрывчатки нет?

– Взрывчатка есть в тресте, – информировал Воронин, – только чем шпуры для зарядов бурить? Электросверла есть, но подключать их пока нельзя!

– Так ведь, сколько это сверло потребляет? – не понял Крюков, – мизер!

– Электросверло действительно потребляет мизер, – согласился Воронин, но у нас еще нет силового трансформатора, чтобы подать в шахту напряжение...

– Я чего-то не понимаю, – возмутился Крюков, – подъем от электричества работает, насос стационарного водоотлива тоже, карагандинским сейчас откачивается западный уклон, а электросверло подключить нельзя...

– Вот именно, – пытался объяснять Воронин – ведь это всё подключено к сети 3 кв, через ячейки, которые ты же сам с бригадой устанавливал в здании подъема...

– Достаточно споров, – прервал Стародубцев, – если Юра Крюков не соображает в этом, то ему долго электротехнику объяснять придется!

– А что предложишь ты, Михаил? – спросил Воронин – ты у нас самые лучшие предложения вносишь.

– Я поддерживаю Крюкова, – неожиданно ответил Михаил, – нужно буро-взрывным способом отбивать лаву. Но сверлить шпуры нечем у нас, это точно! Я предлагаю попробовать бить их вручную...

– Не понял! – удивился Стародубцев, – объясни коллективу, что ты имел в виду!

– Да чего нам объяснять? – возмутилась машинистка подъема Глаша, – мы каждый раз только смотрим, как вы тут спорите умные мужики, а сами ни хрена не понимаем...

– Напрасно ты так говоришь! – вступила в разговор Катя, – тебе непонятно, потому что ты в шахте не работала, а вот если бы сейчас думали, как подъем лучше использовать, то и твой ум бы пригодился... Скажи, например, как выдать электровоз, который в штреке нашли? Потянет ли твой подъем? Да и куда его загонять, в клеть он не поместится...

– Прекратите отвлекаться! – окрикнул женщин Стародубцев, – сейчас не об этом думаем. Продолжай, Михаил!

– Вместо электросверла нужно пробивать шпуры в пласте, – отвечал Михаил, – ведь их все равно по углю сверлят, а не по породе. Да и глубина не обязательно полтора-два метра, достаточно и одного будет! Заряд послабей закладывать, чтобы за один выпал метр пласта отбить... На такую глубину шпур можно пробить куском трубы и кувалдой. Один держит приспособу за специально приваренную ручку к трубе, а второй бьет кувалдой, загоняя ее в пласт.

– Хорошо, загнали! И что дальше? – загорелся интересом Стародубцев.

– Уголь при вхождении трубы в пласт будет забиваться внутрь ее, – продолжал Михаил, – поэтому, труба легко войдет. После достижения необходимой глубины, нужно проворачивать трубу несколько раз ручкой и выдергивать. Если даже не будет получаться так, то ударами кувалды слева и справа расшатать ее и выдернуть. Всё, шпур готов! Уголь из трубы вытрясли, и она снова может применяться для следующего шпура.

– Отличная идея, – похвалил Воронин, – только на трубе нужно нарезать зубчики, как на бурильной коронке, да и закалить бы их не мешало...

– Вот и замечательно! – подвел итог Стародубцев, – сейчас я поеду в трест, заказывать сварку. Какого диаметра труба нужна?

– Полтора – два дюйма, – ответил Воронин, – и по взрывчатке вопрос нужно сразу решить. Я еще хотел обсудить сегодня кое-что...

– Что именно? – спросил Стародубцев.

– Нужны ли нам в штатном расписании должности начальников участка и горных мастеров? – спросил Воронин, – когда я работал заведующим шахтой Красина, там их не было. И справлялись отлично, Михаил не даст соврать....

– Не было, – подтвердил Михаил, – эти обязанности выполняли горные десятники....

– На малых шахтах, где один-два участка, таких должностей до войны не было, – поддерживал Прохоров, – я работал десятником и за всё отвечал сам.... Зачем лишних нахлебников держать? На крупных шахтах может это и оправдано.

– Не нужны лишние начальники! – кричали в толпе, – сами справимся!

– Я к чему это спросил? – оправдывался Воронин, – мне Науменко вопрос задал и я хочу, чтобы ты Федор Васильевич, ему сегодня передал, что коллектив против....

Уже на следующий день опробовали предложенный Михаилом метод в лаве, где должна работать его бригада. Шпуры получались превосходно, мастер-взрывник, которого привезли с «Пролетарки» вместе с взрывчаткой, долго рассчитывал величину заряда, необходимую для выпала. Если заложить мощный заряд, то и кровля может обрушиться, если слабый, то придется «добивать» вручную клеваками. Расчет оказался верным, выпал получился оптимальным, и Стародубцев долго расхваливал мастера-взрывника.

– Переходи ко мне на шахту, – предложил заведующий, – хорошо буду платить! Ты специалист высшего класса.... «Пролетарку» хоть и откачивают, но там не скоро добыча пойдет, а у нас с сегодняшнего дня.

– Я бы рад, тем более что живу недалеко, – сетовал мастер, – но Вы сами говорили, что буро-взрывной способ у вас временно, почините врубмашины и палить забой не нужно будет.

– А проходка? – настаивал Стародубцев, – у нас ее все равно некому вести, ни одного взрывника у меня на сегодняшний день нет. Если надо решить вопрос в тресте по переводу, то я уговорю главного инженера товарища Кузнецова.

И мастер-взрывник согласился. Его уже на следующий день перевели на шахту «Красненькая», где он лично обучил своей профессии шесть человек. Стародубцеву повезло, его шахта впоследствии успешно вела проходку, обеспечивая своевременную подготовку очистных забоев. Это, конечно же, было не везение, а способность Стародубцева принимать своевременные и правильные решения, хорошо разбираться в людях и шахтерской психологии.

Шахта с первого месяца работы вошла в число передовых. Ежемесячные задания выполнялись на 120% и заработки шахтеров были гораздо выше довоенных. Конечно, денег тратили больше, чем до войны, ежемесячно «подписывались» на облигации госзайма, но после голодовки во время оккупации, жизненный уровень горняков казался сказкой. И они работали так, чтобы оправдать внимание Верховного Главнокомандующего к профессии шахтера, старались ежедневно увеличивать добычу и как можно быстрее приблизить день, когда фашистские полчища будут окончательно разбиты.

Комбинат «Ростовуголь», трест «Шахтантрацит» досрочно выполнили полугодовой план. Коллектив горняков треста обязался до первого июля перевыполнить квартальный план на 17 процентов. А в конце июня приказом по Наркомуглю шахтерам ведущих профессий были установлены новые тарифные ставки. Горняки, по-стахановски работающие на добыче угля, стали получать еще больше за счет премиальных за каждый процент перевыполнения. Хорошо зарабатывала бригада Михаила, его зарплата за июль составила 4 890 рублей, а Павел, работающий десятником на другом крыле уклона и того больше – 5 670 рублей. До окончания ремонта врубовых машин, Катя трудилась в его бригаде на откатке и заработала намного меньше Михаила, всего около трех тысяч рублей.

Комбинат «Ростовуголь» удерживал переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны СССР пять месяцев подряд и получал высокие премии. Деньги распределяли по трестам в соответствии с вкладом в выполнение общего плана, а те в свою очередь распределял их по шахтам на том же принципе. «Красненькая» кроме высоких заработков,

стала ежемесячно получать такие премии. Кроме того комбинат «Ростовуголь» держал первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании комбинатов страны и за это тоже получал большие премии. Шахтеры ходили за зарплатой с наволочками, иначе деньги невозможно было разместить в карманах.

Шахтинский трамвай восстановят только через год, к концу сентября 1944г. В эксплуатацию будет введена новая трамвайная линия протяженностью более двух километров. Новый маршрут №2 свяжет центр города с шахтой имени Пролетарской диктатуры. Будет восстановлена трамвайная линия от проспекта Колодезного до железнодорожного вокзала. Грушевский мост, по которому ходили трамваи на шахту Октябрьской революции и 1-е пересечение, еще долго будет оставаться разрушенным. Перейти и проехать на левый берег реки и попасть на улицу Советская, можно было только по мосту для автомобилей и пешеходов, отремонтированному саперами 258-й стрелковой дивизии в день освобождения города. А пока все жители ходили на работу пешком.

Большие зарплаты шахтеров не могли остаться без внимания криминала. До войны в шахтерских городах промышляли в основном карманники, а теперь участились случаи вооруженного грабежа. И это происходило в то время, когда наши парни и мужики гибли в боях на фронте. Горняков, две трети из которых составляли женщины, возвращающихся с получкой домой поздно вечером, встречали крепкие парни и, угрожая трофейным оружием, отбирали все деньги. Часто после грабежа, женщин насиловали прямо в темных закоулках, а мужиков избивали до полусмерти. Каждая шахта работала в две смены по 12 часов без выходных, и кассир треста приезжал выдавать зарплату дважды – утром и вечером. Горняки, поднявшиеся на поверхность после ночной смены, получали деньги в первой половине дня и возвращались домой засветло. А вот шахтеры первой смены получали деньги в вечернее время и ночью шли домой по темным улицам и пустырям.

Люди боялись ходить в одиночку и поэтому собирались большими группами, прежде чем отправиться по домам, что само по себе облегчало бандитам их преступную деятельность. Чтобы охотиться за одиночками, нужно было иметь целую армию уголовников. А так один «гоп-стоп» приносил огромные суммы, нужно было всего лишь встретить толпу и приставить кому-нибудь к голове ствол. Бандитам известны были дни получения зарплаты и пути, по которым люди большими группами возвращались домой.

Горотдел НКВД не мог обеспечить безопасность шахтеров по причине своей малочисленности, а в созданном отделе по борьбе с бандитизмом не хватало сыщиков, лучшие из них воевали на фронте. Подполковник Савин, возглавляющий горотдел, иногда лично участвовал в облавах с целью задержания налетчиков и проводил «рейды безопасности». Эти мероприятия заключались в том, что энквэдэшники устраивали негласное и незаметное сопровождение шахтеров в день выдачи зарплаты по пути следования от шахты домой.

Группа оперативников, усиленная автоматчиками из роты охраны тыла, базировавшейся в Шахтах, в темноте следовала за группой мужчин и женщин и в случае нападения на них бандитов, пыталась арестовать их, и даже приходилось вступать в настоящий бой. Бандиты ожесточенно отстреливались и уходили от преследования, заранее продумав пути отхода с места ограбления. По организации бандитских грабежей было件件но, что ими занимаются уголовники, получившие опыт на фронте и вернувшиеся к преступной деятельности в тылу. Они, как фронтовые разведчики вели бой, и задержать кого-либо из них пока не удавалось.

Долго не могли узнать, кто руководил бандой, каков ее численный состав, сколько трофейного оружия у бандитов, где они собираются на квартире, называемой на жаргоне «малиной». Но вскоре такой случай представился. В первых числах октября выдавали зарплату и после выезда смены на-гора, у кассы выстроилась длинная очередь. Михаил получил деньги и ждал, пока соберется группа с поселка Красина, чтобы всем вместе идти домой. Обычно это было около десятка женщин и двое-трое мужиков, не считая его. Красинцы ходили на работу

и обратно по восстановленной железнодорожной ветке, идущей со станции Каменоломни на Артем.

Когда все собрались, Михаил и еще трое мужиков повели женщин домой. Они со своими наволочками, полными денег, шли впереди, и чтобы не страшно было, громко шутили и рассказывали анекдоты. Вышли на железнодорожное полотно. Ночь выдалась темная, на небе ни луны, ни звездочки, все скрыто тучами. Умеренный ветерок был уже прохладным и что-то шептал кронами деревьев, как бы предупреждая об опасности. Отсюда днем хорошо видны улицы Советская, III Интернационала и Шевченко, но ночью в условиях не освещенности улиц и отсутствия электричества в домах, слабые огоньки свечей в окнах придавали жилому массиву, начинающемуся от Грушевского моста до площади Ленина, вид тлеющего пепла. Как будто незримый великан развел на горе костер, чтобы погреться и теперь он догорал, тускло мерцая сквозь пепел многочисленными точками.

– Мужики, не орите вы так, – возмутилась Катя, – нужно идти тихонько, может, проскочим незамеченными?

– Ты думаешь, бандиты на шум собираются, чтобы ограбить? – возразил Михаил, – они готовятся заранее к засаде и если надумали сегодня ограбить, то наверняка уже сидят где-нибудь в кустах, и ждут, пока мы подойдем.

– Миша, прекрати пугать нас, – взмолилась Катя, – слышали, наверное, эти выродки еще и женщин насилуют и мужиков избивают?

– Я бы сама отдалась с криком, лишь бы деньги не отобрали! – то ли в шутку, то ли всерьез сказала пожилая женщина по имени Шура.

– Ты смотри, какая Шура у нас смелая, – упрекнула ее другая женщина, – если никто уже не зарится на тебя, старая ты задница, то помечтать, конечно, можно!

– А тебя и молодую никто из мужиков не турзучит две недели после брачной постели, – злобно пошутила Шура, – я еще баба хоть куда, любой захотел бы меня....

– Ну, так ведь ночью вы все одинаковые, – шутил мужик по имени Федор, – кто вас будет разглядывать в темноте, а ощупать некогда....

– Я слышал в прошлом месяце бабку одну, лет шестидесяти изнасиловали, – вмешался в разговор еще один мужик по имени Петр, – так она голосила на всю улицу: «Сыночки, спасибо вам огромное, двадцать лет никто не прикасался, а тут нате вам, да еще и стоя.... Мне и денег не жалко, приходите в следующую зарплату!» А насильник тут же прекратил свое дело, бабка разогнулась, поворачивается и видит, что он без сознания лежит на земле. Она ему: «Ты что же это мужичок, уморился быстро?» Тот не отвечает, а бабка рассердилась, схватила наволочку с деньгами и убежала.

– От чего насильник этот сознание-то потерял? – удивилась Шура.

– Задохнулся, бедняга от бабкиного аромата! – ответил Петр и громко рассмеялся.

– Стой хохотунчик! – неожиданно прозвучал в темноте грубый голос, – веселишься, фраер, в штопаных портянках? А ну-ка давай сюда мешок свой с деньгами, я помогу тебе, как пионер-тимуровец....

Петр почувствовал, как к его виску прикоснулся холодный металл нагана. Одновременно в бок Михаилу уперлось дуло револьвера, своей мушкой он больно зацепил ребро. Женщин быстро окружили темные силуэты и стало понятно, что это очередной «гоп-стоп» бандитов. Сопrotивляться было бессмысленно, женщины дружно заголосили и от этого воя по коже поползли мурашки.

– Заткнитесь суки! – заорал кто-то из бандитов – иначе на перо посажу, падлы!

Михаил носил с собой на работу фонарик, подаренный Павлом. Запасные батарейки, которыми он снабжал Михаила, долго позволяли работать в лаве с хорошим освещением. Возникло непреодолимое желание посмотреть в глаза этим негодьям, которые хотят оставить семьи шахтеров голодными до следующей зарплаты. Он понимал, что ограбления не избежать,

но опасность быть опознанным должна была охладить пыл бандитов, и тогда хотя бы, избежания можно избежать. Михаил незаметно достал фонарик из кармана и, включив его, осветил лицо бандита, отбирающего у него зарплату. Свирепая физиономия перекошилось от злобы, а Михаил продолжал светить, запоминая ее.

– Ты какого хрена светишь в рожу мне? – последовал угрожающий вопрос.

– Познакомиться хочу, – спокойно ответил Михаил, – я может к пахану вашему на работу желаю устроиться!

Остальные бандиты приостановили грабеж и ждали окончания разговора. Наверное, спокойное поведение Михаила убеждало их, что это свой парень. Бабы стихли и с удивлением слушали, о чем говорит Михаил.

– А ты кто и по какой статье срок тянул? – удивился бандит.

– Пока по мелочам, у меня три ходки по пятнадцать суток.... Михасик мое погнало, – импровизировал Михаил, – с Бандовки я! Слышал такой поселок?

– Ну и что? – недоумевал бандит, – ты мне назови, кого знаешь среди блатных? Кто за тебя, фраер, подпишется, если что?

– Так ведь Колька Косой и подпишется, – на Михаила находил кураж, – он хоть и одноглазый, но видит еще. А недавно корову себе привел с Персиановки, сиськи до самой земли волочатся....

– Мне его бабы не интересуют, – оборвал Михаила бандит, – кого твой Колька знает из блатных?

– А кто пахан ваш? – обнаглел Михаил, – я его ведь тоже не знаю! Мой Колька в хороших отношениях с Гришкой хромым из Голожоповки.... Кого мне назвать, чтобы ты пахану наколку дал?

– В Ростове знаешь кого-нибудь? – спросил бандит, – только не надо мне местных тулить, из Голожоповки, Бандовки....

– В Ростове я только Ленина знаю, он перед обкомом стоит! – продолжал шутить Михаил, – но он каменный....

– Слышь фраер, мне по кайфу твой базар, – усмехнулся бандит, – но чего ты тут среди шахтеров делаешь?

– То, что и ты, – импровизировал Михаил, – вот бандой своей взял на гоп-стоп кассира шахты и несем бабки, чтобы на хате поделить, а тут вы с пушками да перьями.

– Нашего пахана Майором погоняют, – сообщил грабитель, – слышал такого?

Михаил сразу понял, что бандиты не местные, они не знают поселков городских и кроме того спрашивали о ростовских авторитетах. Он понимал также, что заигрывать нельзя, это было опасно. Но как выйти из разговора? Михаил лихорадочно придумывал варианты и вдруг все само решилось.

– Стой! Вы окружены! Соппротивление бесполезно! – прозвучал из темноты чей-то зычный голос – предлагаю сдаться без боя. У меня есть полномочия стрелять на поражение....

В подтверждение слов раздалась автоматная очередь в воздух. Из темноты вспыхнули мощные фонари и осветили шахтеров, окруженных бандитами. Наступила пауза, грабители оценивали свои возможности на отход. Михаил продолжал светить в лицо бандиту, который отпустил наволочку с деньгами Михаила из рук, и это было обнадеживающим признаком.

– Так ты ментов на хвосте привел, а меня фраером погоняешь? – как можно злобнее спросил Михаил, – а еще под Майором ходишь, сука!

Пока бандиты приходили в себя от неожиданного появления оперативников и солдат с автоматами, их уже разоружали и связывали руки, заломив назад. Женщины тоже были в оцепенении и никак не могли понять, что происходит. В свете фонаря появился капитан в форме НКВД.

– Капитан Евсеев! – представился он пострадавшим, – просьба проехать двум-трем человекам для дачи показаний в горотдел. Наш грузовик стоит недалеко отсюда, так что милости прошу!

Михаил, Петр и Фёдор согласились проехать в горотдел при условии, что их после допроса отвезут домой. Капитан находился в приподнятом настроении и тут же согласился. Но женщины, опомнившись от шока стали протестовать, они не хотели без мужиков продолжать путь и требовали от солдат сопровождения.

– Вот елки-палки, – наигранно возмущался капитан, – первая удача, мы взяли бандитов с поличным во время ограбления, а вы просите еще и по домам вас развести!

– Им всем с утра на работу, – вступился Михаил, – уважь, капитан, а мы тебе коллективную благодарность через «Красный шахтер» выразим!

– Ну, хрен с ним, – согласился Евсеев, – лейтенант Головкин, уважь женщин, отконвоирую до поселка, а когда машина привезет мужиков с допроса, заберет вас всех назад.

– Так это ты сука ментов приволок с собой? – заорал бандит из крытой брезентом машины, – я сразу должен был догадаться, что ты смелый такой. . . .

– Поехали, разберемся, жулик ростовский, – ответил Михаил, залезая в кузов машины. Он сел на лавку и от бандитов их отделяли четверо автоматчиков. Они держали на прицеле связанных грабителей, и Михаилу только теперь стало страшно за свою импровизацию. А что если грабители сразу же пустили бы в ход оружие, когда он осветил фонариком лицо одного из них?

Машина, покачиваясь по кочкам, направилась в сторону Грушевского моста. Сидя в кузове, бандиты угрожали Михаилу за то, что «засыпались на гоп-стопе» из-за него. Он ничего не отвечал им и вообще старался не обращать внимания на бандитов. В горотделе Михаила допросили, и он подписал протокол, а через месяц его вызвали повесткой в суд. Требовалось еще и там дать те же показания, что и в горотделе. В суде в присутствии прокурора, бандит вновь пригрозил мстостью, и Михаил тогда еще не знал, что может вновь встретить этого преступника через несколько лет, но в совершенно другой ситуации.

После суда, разбой в городе не прекращался, грабили кассиров, везущих огромные суммы для выдачи зарплат шахтерам, применяли старую схему ограбления групп, возвращающихся, с зарплатой домой, продуктовые магазины, трудовые сберегательные кассы, открытые в городе после его освобождения. Однажды бандиты произвели налет на отделение госбанка, хотя и неудачный, около десяти человек были застрелены охраной из автоматов.

Преступники свирепствовали, отделу по борьбе с бандитизмом удавалось арестовать еще несколько человек при совершении налетов, но главарь оставался не пойманным и продолжал руководить бандой, численность которой постоянно подпитывалась желающими быстро и хорошо «заработать» большие деньги. Сам главарь, по кличке Майор не принимал непосредственного участия в грабежах, он разрабатывал целые операции по ограблениям и это у него неплохо получалось. Арестованные налетчики, наверное, очень боялись главаря и поэтому никто из них «не сдавал» Майора даже под угрозой смерти.

Победоносное освобождение Красной Армией оккупированных территорий от фашистов омрачалось резким всплеском преступности в больших городах. Количество краж за сутки порой доходило до умопомрачительного уровня. Это свидетельствовало, что люди старались выжить в тяжелых условиях войны любой ценой. Страх голодной смерти вынуждал воровать даже тех, кто никогда не занимался этим. Но самое опасное было то, что на фоне этого негатива активизировались преступные группировки, существовавшие в больших городах страны еще до войны. Они подпитывались этой негативной средой и разрастались за счет нее до опас-

ной численности. Силами одного только НКВД их уже невозможно было ликвидировать. Если до войны «kozyрным» оружием преступников была финка с выбрасывающимся лезвием, называемая на воровском жаргоне пером, то теперь к ним в руки попадало боевое оружие с фронта.

Сообщество воров в законе, называемое блатными, являлось самой влиятельной криминальной группировкой страны, сформированной еще в тридцатые годы в период интенсивного строительства новых лагерей ГУЛАГА. Главным признаком организации являлось соблюдение его членами довольно жесткого свода правил – воровского закона, называемого также понятиями. Отсюда и произошло название титула «вор в законе» и его присваивали наиболее авторитетным преступникам на сходках. Называлось это коронованием вора и представляло собой определенный ритуал. Это сообщество смогло добиться очень высокой степени самоорганизации, которая отличала ее от аналогичных группировок за рубежом.

Характерной особенностью сообщества был жаргон, с помощью которого общались его члены. Он назывался «феней» и представлял совокупность своеобразных терминов, которые не мог понять обычный гражданин. Разговаривать на жаргоне называлось «ботать по фене» и без перевода на обычный гражданский язык разговор преступников становился, абсолютно непонятен. Но это еще не являлось признаком принадлежности к сообществу, «ботать по фене» еще не значило быть блатным. Часто встречались парни, которые знали жаргон, но не принадлежали преступному миру и применяли его, как дань моде. Их называли «бакланами» и по приказу вора в законе могли «посадить на перо», то есть пырнуть ножом, чтобы неповадно было «рисоваться ради выпендрежа, если воровом не был».

Главным условием получения титула вора в законе было отбывание хотя бы одного срока за совершенное преступление. Если вор не сидел еще ни разу в тюрьме («не топтал зону») то его не могли короновать и называли фраером, как и новеньких, которых втягивали в преступную деятельность. Тех заключенных, что трудились в зоне на обычных должностях, не сотрудничали с администрацией, ни на какую власть не претендовали, никому не прислуживали, и в дела блатных не вмешивались, называли «мужиками».

У каждого вора, а тем более у блатного имелась определенная кличка или «погоняло». Вор сам выбирал ее себе, но могли и присвоить по схожести с фамилией или преступным ремеслом. Блатные знали друг друга в лицо, по кличкам и городам или по дерзким преступлениям. Поэтому, если фраер «рисовался не по делу» или кто-то из парней «бакланил», его спрашивали: «Кого знаешь из блатных?» Если фраер не мог ответить на вопрос или «гнал пургу» (врал), то это означало, что он «баклан» и его тут же могли наказать за «рисовку».

Воровское сообщество возникло на идеологии неподчинения большевистской власти, и многое скопировало у нее. Те же самые клички, как партийные псевдонимы в ВКП (б), тот же «воровской закон», как Устав партии, то же жесткое управление на основе централизации и тот же воровской общак, типа партийная касса или бюджет. Но было и отличие, определяемое ограничениями для титулованных авторитетов. Блатные по «воровским понятиям» не должны были иметь семью, собственный дом, предметы роскоши и содержались за счет общака или результатов своей преступной деятельности. Блатные не должны были работать даже в зоне, содействовать лагерному начальству в чем-либо или сотрудничать с властью.

Общак для блатных – святое дело. Первоначально он использовался для «подкормки» воров в законе, отбывающих срок на зоне. Каждый вор с дохода от преступной деятельности обязан был платить в общак около 10% и тех, кто не платил, могли выгнать из сообщества, лишиться титула и даже «посадить на перо». За крысятничество (воровство) из общака отрубали руку или все то же «перо в бок». В каждом городе собирался свой сходняк (по аналогии с ВКП (б) партийная конференция) где выбирали пахана (смотрящего за соблюдением воровского закона) сообщества этого города. А для надзора за платежами в общак, его расходами и сохранностью выбирали казначея при пахане.

Один раз в пять лет съезжался общесоюзный сходняк, где выбирали, пахана всего СССР. Воры в законе, делегированные «местными» сходняками голосовали за кандидатуру прежнего или вновь выдвигаемого авторитета. Выборы начинались с его отчета, а затем голосованием пахан утверждался на новый срок или смешался с должности. «Голосовать» называлось на жаргоне «держат мазу» или «подписаться» (за кого-либо). Именно здесь, на всесоюзных сходнях каждый вор в законе знакомился с остальными, чтобы знать своих коллег в лицо и не ошибиться, если какой-нибудь «баклан» начнет «гнать пургу».

Ростов и Одесса держали первенство по количеству краж, афер, ограблений и убийств, начиная с конца XIX века. Ростов бурно развивался, и к началу XX века в городе работало несколько десятков предприятий: чугунолитейные, механические и канатные заводы, паровые мельницы, две табачные и одна писчебумажная фабрики. Кроме того порт Ростова, как и Одессы был зоной беспроходной торговли и поэтому здесь крутилось много купечества, имелись несколько крупных перевалочных товарных баз. Огромные обороты наличности, обилие ресторанов и возможность затеряться среди местного населения притягивали воров и мошенников всех мастей. Они здесь селились, обзаводились семьями, рожали потомство и оставались на постоянное место жительства.

А уже при советской власти, эти семьи могли спрятать у себя преследуемого за воровство или грабеж человека, без паспорта и прописки. Тогда у уголовников родилась поговорка: «Ростов, как добрый папа спрячет надежно и прокормит картёжно!» Ростовские шулера славились на всю страну, «на хате» можно было проиграть не только деньги, но и самого себя. Паломничество криминальных элементов продолжалось, и вскоре Ростов превратился в столицу преступного мира СССР, из 64-х воров в законе в 30-х годах, в нем проживало 42 человека.

А воровские династии? Город славился ими, и бывали случаи, семья не могла десятилетиями вместе за столом на семейном обеде. Если отец и один из братьев находились на воле, то двое других отсиживали очередной срок за кражу. Когда они выходили на свободу, садились отец с кем-нибудь из братьев. В воровской среде ходила байка: «Если семья Пашки Бесогона соберется за одним столом, наступит конец света!» В семьях-династиях воровали все: дед, бабка, мать, отец, сыновья и дочери. И такую семью уважали и даже немного побаивались.

Воры в законе управляли исправительно-трудовыми лагерями, как Совнарком промышленностью страны, и в каждом из них был пахан-смотрящий. Отсидев свой срок, он освобождался и на замену ему назначали другого из блатных лагеря. Но были случаи, когда освобождающегося пахана нечем было заменить и на временную подмену должен был «присесть» на небольшой срок за мелкое преступление вор в законе, находящийся на свободе. Бывали курьезные случаи, когда с этой целью, авторитет, имеющий не одну судимость, садился за пустяковое преступление.

Так произошло, когда авторитетному вору Толику Скуценко по кличке Скунц нужно было «присесть на пару лет», чтобы временно подменить, освобождающегося пахана в лагере общего режима, где отбывали срок за «детские преступления». Скунц демонстративно подошел к постовому, дежурившему в людном месте на проспекте Буденного и с криком «мент поганый», трижды плюнул ему в лицо. Анекдотическое преступление, когда петуха посадили за измену Родине потому, что он пионера в попу клонул! Но Толику дали реальный срок за оскорбление сотрудника НКВД при исполнении и отправили в лагерь на два года.

– Гражданин судья, я прошу суд учесть, что мне и года хватит, – заявил Скунц, когда ему дали на суде последнее слово, – я бы успел подготовить смотрящего за зоной и откинулся бы (освободился)

– Опрокинуться ты можешь в любой день, – ответил судья, не понимавший воровского жаргона.

– За оскорбление работника НКВД год? – не сдержался прокурор, – да тебя нужно на три посадить! Товарищ судья, я просил в своем выступлении три для подсудимого!

– Гражданин судья, – оживился Толик, – прокурор просил три, так дайте ему, а мне и одного хватит! Если бы мент заржавел от моего плевка, то, конечно, три годка мне бы корячилось.... Ну, а так что? Он цел и невредим, я его даже умыл немного слюной засранца.... А это уже смягчающее обстоятельство!

– Да чего травить баланду? – выкрикнул с места блатной, проходивший свидетелем по делу, – Скунц Вам не фазан секатный и не фраер набушмаченный или прошляк какой-то. Он вор в законе, а цветной мусор сам ему свою карточку (лицо) на «хык-плю» подсуетил! Скунц ведь в парашу мусорную плевал, а тут цветной своей мордой ее, как амбразуру заслонил.... В натуре все так и было, сам я кнокал, век парашу мне не нюхать! А этот палач (прокурор) три года просит! За каждый плевком по году, что ли?

– А ты, доктор (адвокат), какого хрена не подписываешься? – заорал Скунц на защитника, – ты здесь для того, чтобы за меня мазу держать, падла....

– Прекратите беспорядок на заседании! – гневно прокричал судья и обратился к прокурору, – Вы бы вели себя процессуально, коллега, а не как эти уголовники!

Вернувшись из совещательной комнаты, судья зачитал приговор. Как из него следовало, суд учел смягчающее обстоятельство и постановил приговорить Анатолия Петровича Скуценко к полутора годам лишения свободы за оскорбление работника НКВД при исполнении служебных обязанностей и полгода за оскорбление адвоката в зале суда, назвав его «падлой». Путем полного сложения наказаний следовало изолировать подсудимого в лагере общего режима сроком на два года.

– Протестую! – кричал блатной свидетель, – заслонять мордой урну с мусором не входит в служебные обязанности мента!

... Не успел Скунц прибыть по этапу в лагерь, как началась Великая Отечественная война. В конце лета и осенью 1941 года в Западных и Центральных регионах Советского Союза в связи с быстрым продвижением войск противника возникла необходимость срочной эвакуации заключенных из лагерей. Но куда? Тыловые тюрьмы были переполнены, а призывать в армию заключенных не позволял закон. В связи с переполненностью тыловых тюрем «лишних» заключенных пришлось расстреливать за два-три дня до отступления. И это настолько шокировало зеков, что они почувствовали себя обузой для государства, которую можно быстро сбросить. Посыпались заявления о желании сражаться против фашистов на фронте.

Но никто и не собирался отправлять заключенных на передовую. И только 22-го января 1942 года вышло постановление Верховного суда СССР, согласно которому «осуждение лиц, совершивших уголовное преступление, к лишению свободы на срок не свыше 2 лет без поражения в правах не является препятствием к призыву или мобилизации этих лиц в Красную Армию или Военно-Морской Флот». Советское командование, учитывая тяжелое положение на фронте и катастрофическую нехватку солдат вынужденно было пойти на беспрецедентный шаг – отправку на фронт заключенных. Весной 1942г. в лагерях развернулась целая компания по их мобилизации. Война предоставляла заключенным прекрасный шанс с оружием в руках заслужить прощение, и многие горели желанием этим шансом воспользоваться, тем более еще свежи в памяти были расстрелы «лишних» заключенных.

Скунц с радостью бы написал заявление и ушел воевать, но положение вора в законе обязывало его не сотрудничать с властью. Тем более нельзя было смотрящему зоны подавать пример для братвы, фраеров и мужиков. В конце июня начальник лагеря специально запустил слух о предстоящем расстреле «лишних» заключенных и Скунцу ничего не оставалось, как собственноручно написать заявление о желании отправиться на фронт. Его примеру последовали другие блатные зоны, а вскоре и подавляющее большинство заключенных. По лагерям

пошли малявы (нелегальные письма) с сообщениями, что зона смотрящего Скунца ссучилась в полном составе, сотрудничая с властью.

Но Скунец не горел желанием воевать за Родину, у него давно был готов план побега с фронта с использованием благоприятной ситуации. Он посвятил приближенную братву в свой план и надеялся сбежать, заполучив оружие. Однако его с несколькими блатными привезли в штрафную роту, откуда сбежать было невозможно. Оружия никто не выдавал блатным, а между позицией штрафной роты и передовыми частями нашей армии залегли автоматчики заградительного батальона. Когда блатных дислоцировали на передовой, Скунец понял, что ни вперед, ни назад хода нет. Либо немцы расстреляют зеков, вооруженных саперными лопатками, либо автоматчики заградительного отряда, если побежать назад. Мышеловка захлопнулась.

Под огнем немецкого ДЗОТа заключенные не могли даже встать в полный рост. Лежа за бугорком, Скунец приказал братве шевелить рогом (думать) как слинять (сбежать) с передовой. В небе появились немецкие бомбардировщики, на позиции заградительного отряда и передовые части наших войск посыпались бомбы. Скунец с блатными остался лежать за бугорком, прикрывавшим его от огня немецкого ДЗОТа, а когда увидел, что бойцы заградительного отряда в спешке покидают свои позиции, приказал короткими перебежками возвращаться. Найдя наполовину разбомбленный блиндаж, зеки спрятались в нем.

На полу блиндажа лежало несколько убитых советских солдат и один майор. Скунец приказал раздеть мертвых и первым примерил форму майора, она оказалась ему в пору. В нагрудном кармане майора были его документы, и это очень обрадовало вора в законе. Поскольку документы офицеров не имели фотографий, то можно было легко проканать (пройти) за убитого. Личное оружие пистолет ТТ новоиспеченный майор, вытащил из кобуры и сунул его в карман. Отсидевшись в блиндаже до ночи, Скунец повел несколько человек своих приближенных, переодетых в форму убитых солдат вдоль линии фронта. Его расчет был прост – нужно, следуя вдоль передового окопа, миновать позиции заградительного отряда и выйти к нашим частям, где не было штрафной роты, а значит, и заградительного отряда. Он накануне слышал краем уха от молодого лейтенанта, что их штрафная рота единственная на коротком участке фронта.

Немцы еще не наступали после проведенной авиационной бомбежки, то ли ждали подхода танкового корпуса, то ли не решились начать наступление в ночь. И это было везение для зеков, наши войска ушли, а немцев еще нет. Понимая это, Скунец и его блатные бежали почти до утра, пользуясь временным затишьем. Уже к утру беглецы повернули в сторону, где должны были находиться наши передовые подразделения, и с ужасом обнаружили их отсутствие. К счастью еще арьергардные соединения не полностью покинули позиции и спешно отходили. Зеки «уже сели в последний вагон». Выдавая себя за погибшего майора, Скунец с друзьями пристроились в один из отъезжающих грузовиков и тут же заснули, утомленные ночным марш-броском.

Проснулись от воя бомбардировщиков и разрывов авиабомб и вскоре автомобиль, маневрируя по открытой степи, угодил в одну из воронок, уткнувшись носом в ее край. Удар был сильный и все кто находился в кузове, высыпались из него, как груши из опрокинутой корзины.

– Что будем делать, майор? – спросил молодой лейтенант, принявший Скунца за старшего офицера.

– Где мы находимся? – вопросом ответил «майор», – нужно драпать, пока нас не повяжали.

– А Вы разве не в курсе? – удивился лейтенант, – нашей части приказано быстро отступить к Ростову! Вы из какой части присоединились к нам?

– Ты чего, лейтенант, рамсы попутал? – спросил Скунц, – известно из какой, ...из воинской! Выполняю секретное задание штаба, можно сказать, всей армии..., нашей славной..., Красной!

– Я понял, товарищ майор, – отчеканил лейтенант, – вопросов больше нет!

– Я был контужен, – соврал Скунц, – если надо, мои корифаны это подтвердят! – Скунц указал рукой на двух зеков, улыбающихся с шутки блатного.

– Кто может подтвердить? – не понял жаргона лейтенант.

– Я смотрю, лейтенант, ты не доучился немного, – врал «майор», – корифаны – это секретные помощники, которые выполняют со мной задание!

– Судя по скорости передвижения, – отвечал лейтенант, – мы успели добраться почти до Ростова, – нам приказано переправиться через Дон и занять оборону....

Скунц взял у лейтенанта бинокль и подполз до края воронки. Он внимательно и долго смотрел в него, изучая местность, чем рассмешил своих корифанов. Они с этого момента стали называть Скунца майором и, по сути, присвоили ему новую кличку.

– Ну, что там, товарищ майор? – спросил один из них, откровенно посмеиваясь, – фигу видишь?

– Не смей пререкаться со старшим офицером, – серьезно оборвал его Скунц, – Ростов мой город, я из него зачалился на последнюю ходку..., – тут «майор» опомнился, поправляясь, – призывался из Ростова, то есть....

– Что вы видите, товарищ майор? – спросил лейтенант, не понимающий слова «зачалился».

– Мы в десяти-пятнадцати километрах от Ростова, – сказал Скунц, – его хорошо видно в бинокль.

Налет немецкой авиации закончился, лейтенант взял бинокль и сам посмотрел в него, но в противоположную сторону.

– Ты чего это назад смотришь? – удивился «майор», – туда дороги нет, приказываю двигаться только вперед на Ростов!

– Я вижу немецкие танки! – неожиданно сообщил лейтенант, не отрывая глаз от бинокля, – они преследуют нас по пятам....

Скунц выхватил у лейтенанта бинокль и посмотрел назад.

– Не менжуйся, лейтенантик, – уверенно произнес он, – они в двадцати километрах от нас.

– Чего мне не делать? – не понял лейтенант жаргонного слова «менжуйся».

– Не ссы, проще говоря, в чулок, там деньги, – уточнил Скунц, ухмыляясь, – слушай мою команду! Грузовик нужно вытащить из воронки и дергать отсюда..., я хотел сказать отходить. Ростов, как добрый папа и спрячет надежно и даст заработать картежно!

– Но нам приказано дислоцироваться южнее Ростова, – возразил лейтенант, – что нам делать в городе?

– В первую очередь, – поучительно сказал Скунц, – нужно обратиться к пахану.... Он подскажет, где нам можно будет схорониться..., то есть, я хотел сказать дислоцироваться!

– Я не знаю, кто такой пахан, – возразил лейтенант, – и почему мы должны схорониться?

– Пахан, – это начальник штаба нашего, ростовского, – соврал «майор», – ты не знаешь его. Не положено тебе! Хватит лохматить, нужно машину вытягивать из воронки! Выполнять приказ безоговорочно!

– Слышали команду? – зычным голосом переспросил лейтенант у солдат, – выполняйте!

Солдаты дружно принялись выталкивать грузовик из воронки, благо она была неглубокой. Водитель газоваля вовсю и автомобиль, подталкиваемый толпой, медленно вырли на ровное место. Солдаты-корифаны, следуя воровскому закону, не принимали в этом никакого участия. Лейтенант с опаской посмотрел на «майора», не решаясь задать ему вопрос.

– А ваши корифаны почему не помогают? – все же спросил лейтенант.

– Им не положено! – резко ответил Скунц, – они ведь в законе, им работать никак нельзя, – он вновь неожиданно опомнился и поправился, – в Ростове им сразу нужно будет приступить к выполнению секретного задания, а у них руки будут грязные.... Кто сказал, не помню, что голова должна быть холодной, а руки чистыми?

– Товарищ Дзержинский! – выпалил лейтенант, обрадовавшись своей эрудиции.

Грузовик вытолкнули на ровное место и все дружно запрыгнули в кузов. «Майор» сел рядом с водителем в кабину и приказал быстро двигаться в сторону Ростова. Ехали молча и Скунц начал дремать, изредка поглядывая вперед и в окно. Их машина, наверное, была последней в отступлении, далеко вокруг не было ни одной такой же, и это успокаивало уголовника. Он вовсе не собирался дислоцироваться южнее Ростова и после того, как машина приблизится к городу, слинять (скрыться) со своими корифанами. Все так и получилось. Ночью, когда переправились вплавь через Дон и расположились на ночлег, уголовники, прихватив с собой три автомата ППШ с запасными дисками, тихо ушли в сторону Ростова.

Скунц не узнал Ростова, он сильно изменился за год, проведенный в тюрьме. На подступах зеки наткнулись на противотанковый ров, перед ним в балке затаились несколько наших бронемашин в боевой готовности. Стараясь не попадаться на глаза солдатам и офицерам, зеки вошли на окраину. После взятия Ростова немцами в 1941 году, было разрушено много домов, проезжая часть улиц исковерканы гусеницами танков.

пр. Будёновский в Ростове-на-Дону летом 1942 года

И в этот раз Ростов спешно подготовился к отражению немецкой армии. Все дороги на въезде были забаррикадированы, каждый дом мог стать рубежом обороны, на улицах повсюду были видны противотанковые ежи из рельсов. Чем ближе к центру, тем вероятнее попасться патрулю войск НКВД, чьи подразделения готовились к обороне Ростова. Обойдя центр, блатные направились в сторону Ботанического сада. Там в частном секторе жил смотрящий пахан по кличке Хмурый.

Скунц, явно нервничая, постучал в окно известным ему кодом и ждал, пока откроют дверь. Домик, где жил смотрящий, был куплен на подставное лицо за деньги общака и принадлежал всем ростовским вора в законе. Поэтому прийти к Хмурому можно было в любое время суток, не опасаясь, что гостю не откроют дверь. Хмурый жил здесь в окружении трех приближенных и так как ему было уже далеко за шестьдесят, его приближенные выполняли еще и функцию охраны. Скунц тоже пришел с тремя блатными из штрафной роты, и поэтому разместиться на ночлег вшестером в маленьком домике не представлялось возможным. Но не это нервировало вора, он знал, что Хмурому уже известно о его службе в штрафной роте.

– Кто? – послышался голос Хмурого из-за двери.

– Скунц с братвой! – ответил «майор».

– Сукам не место в доме смотрящего! – ответили за дверью, – можешь заночевать в конуре у калитки!

– Слышь, пахан! – разозлился Скунц, – а ты не много на себя берешь? Меня короновала сходка, не ты лично и не тебе решать, сука я или нет! Собирай людей и будем решать....

– Где я тебе их возьму, – ответил Хмурый, – война идет! Ведь собрать нужно хотя бы две трети блатных, иначе решение правилки (сходки) будет незаконно! Иди и жди, кончится война, мы тебя сами найдем, ...сука!

Это было началом конфликта «правильных блатных» с суками, теми, кто «пренебрег воровским законом для спасения собственной шкуры» и пошел воевать за Родину в составе штрафников. Сообщество блатных квалифицировало это, как сотрудничество с властями. Этот конфликт перерастет в первые послевоенные годы в «сучью войну», которая будет происходить не только в лагерях, но и на воле. Уголовники будут стрелять друг друга, «сажать на перо» ради призрачного идеала воровского закона.

Скунц не стал спорить с паханом, он понял, что тот не пустит его в дом и на этот случай заранее обдумал, куда ему идти с блатными, которые были не из Ростова и не могли «базарить» со смотрящим этого города и подписываться (поддерживать) за Скунца.

– Запомни Хмурый, – предупредил его Скунц напоследок, – я тебе никогда не прощу этого фортеля! За суку ты мне ответишь по полной....

Воры покинули двор смотрящего и, обходя центр по окраине, направились в поселок Сельмаша, где у Скунца жил его родственник и бывший подельник по одному из уголовных дел. Он прошляк (бывший, «развенчанный» вор в законе) который наверняка даст приют своему родичу. У него была кличка соответствующая – Анархист, что на воровском жаргоне означало то же самое, что и прошляк. Звали родственника Митяем, он жил в одиночестве, так и не женившись после развенчания его сходкой.

Анархист с радостью принял Скунца с блатными и даже угостил их самогоном с салом и луком. А на следующий день немцы предприняли попытку захвата Ростова и самолеты Люфтваффе с утра сбрасывали бомбы на проспекты и улицы города. Двое суток шли кровопролитные бои и четверо уголовников, считая хозяина дома, отсиживались в подвале. Когда все стихло, они выбрались из подполья и увидели на улице немецкие грузовики с солдатами. Ростов был сдан нашими войсками и немцы воодушевленные победой, распевали песни и играли на губных гармошках.

Немецкие обозы на проспекте Буденовский летом 1942 года

Немецкие обозы на проспекте Буденовский летом 1942 года

Когда начались зачистки, Анархист сам открывал калитку немцам и провожал их в дом с улыбкой и прибаутками. Он таким поведением подчеркивал свою непричастность к комму-

нистам и всячески пытался создать образ обиженного советской властью. Возраст Митяя был уже не призывной, и бояться ему нечего, а Скунц с блатными отсиживался в это время под полом. Анархист придвигал большой дубовый сундук на ляду подполья, и она оставалась незамеченной. Вскоре немцы назначили старосту, комендатура зарегистрировала первых полицейских, и Анархист пошел служить немцам по просьбе и уговорам Скунца. Этот хитрый вор в законе знал, что дом родственника в этом случае не будет подвержен обыскам и облавам.

– А почему бы вам не пойти в полицаи? – спросил Анархист – вместе же веселее....

– Мы может быть и суки по определению Хмурого, – возразил Скунц, – но не предатели! Да и ты пошел служить, после моих уговоров и лишь для того, чтобы жратва была и выпивка. Мы не собираемся все время сидеть в подвале и пойдем скоро на дело. Думаешь, зачем мы пушки (пистолет ТТ и автоматы ППШ) прихватили с собой?

Но это только мечты, грабить в Ростове было некого, а жесткие порядки новой власти, не позволяли даже по ночам выходить на улицы города. Так и просидели блатные в доме Анархиста все время оккупации до февраля следующего 1943 года. Когда наши войска вошли в Ростов, снова прятались в подвале уже вместе с хозяином, того в любой день по доносу могли арестовать за измену Родине. Этого не случалось, Митяй не зверствовал, терроризируя население, и не выслуживался перед немцами, он больше пьянствовал, поэтому зла на него никто из жителей близлежащих улиц не держал. Как служил неприметным валухом, так и не запомнился никому.

Но запасы картошки в подвале Митяя закончились, и жрать стало нечего. Блатные давно сменили форму на гражданскую одежду и несколько раз делали вылазку на городскую барахолку, где карманники из числа приближенных Скунца, «вертанули пару гаманцов» (украли 2 кошелька) но этого хватило ненадолго. И вот однажды вечером Митяй принес хорошую новость – в соседнем городке, что в шестидесяти километрах от Ростова, восстанавливают шахты и горняки получают баснословные деньги. Скунца давно уже называли Майором и лучшего дела он себе не представлял. Поляна свободна, на ней никто из братвы не работает, и легко и просто – встретил группу шахтеров с получкой, припугнул пистолетом, забрал деньги и гуляя себе. Выходило так, что Скунц сменил не только кличку, но и профиль, он был вором, а пере-квалифицировался в разбойники.

С автоматами ходить по улицам было опасно, и он решил обменять их на барахолке на револьверы или ТТ. Помогли блатные Ростова, недовольные Хмурым. Они свели Майора с нужными людьми и те с удовольствием обменяли оружие из расчета два пистолета за один ППШ. Запасные диски к автоматам меняли уже один за четыре обоймы для ТТ. Вооружившись до зубов, новоиспеченная банда пешком отправилась в Шахты. Митяй продал свой дом и намеревался за эти деньги, купить неприметную хатенку где-нибудь в поселке. Добравшись до Шахт, бандиты быстро нашли домик для продажи на улице Шевченко, недалеко от Грушевского моста.

Первый гоп-стоп принес крупную сумму – больше двадцати тысяч рублей. Бандиты пили три дня к ряду, в домике появились местные проститутки, которым неожиданно нашлась работа, город не имел ни одного коммерческого ресторана. Первый секретарь горкома Шибяев был категорически против открытия такого заведения и считал, что шахтеры, работающие без выходных, не пойдут пропивать деньги, добытые непосильным трудом в коммерческий ресторан. Через проститутку, Майор связался с местным паханом по кличке Ричард и «закинул удочку» (объявил), чтобы в банду приходили все, кто силен и нуждается в хороших заработках. Банда разрослась до двадцати человек и на второй гоп-стоп пошли уже несколько групп. В каждой из них был один бандит вооруженный пистолетом ТТ или револьвером.

Куш сорвали умопомрачительный – сто двадцать тысяч рублей! А через неделю прибыл гонец от Хмурого, который требовал с Майора взносы в общак.

– Передай этому козлу старому, чтобы он не рассчитывал на сучьи деньги, – передал Майор Хмурому, – я еще не рассчитался с ним за суку.... А пока пусть сосет лапу и проклинает своего папу за то, что родился на белый свет! И передай ему, что я не пущу его блатных на свою поляну! Замочим всех, кто рыпнется....

Последующие ограбления принесли бандитам такие же огромные суммы, и только в начале октября случилась первая промашка – арестовали всю группу, возглавляемую одним из блатных штрафной роты.

– Кто-то кладанул нас с потрохами, – сделал вывод Майор, – а потому, нужно послать маляву в СИЗО, чтобы ни блатной, возглавляющий группу ни его фраера, что были с ним, не кололись, иначе придется их завалить.

– Но если менты накоцали наши дела (узнали о готовящихся ограблениях) – рассуждал Митяй-Анархист, то они начнут пасти (следить) в каждую получку! Что будем делать, Майор?

– А мы не пойдем в следующий раз грабить шахтеров, – ответил Майор.

– Рано завязывать с этим делом, – возмутился Анархист, – только бабки (деньги) пока-тили (пошли) нехилые!

– Не понял ты меня, Анархист, – весело сказал Майор, – мы теперь возьмём на гоп-стоп (ограбим) кассиров!

– Но они с вооруженной охраной! – ужаснулся Анархист, – и наших положат немало, как пить дать!

– Кто здесь наши? – ехидно спросил Майор, – шахтинские фраера никогда ими не были, нужно постараться, чтобы они пули ловили, а мы вовремя слиняли.... А для этого необходимо тщательно подготовить план каждого ограбления так, чтобы действовали в основном шахтинские фраера.

– Тики-так (отлично) придумано! – восхитился Анархист.

– Ты вот что, Митяй, – пошли наших на барахолку в Ростов, чтобы выкупили у тех барыг наши автоматы и патроны к ним, а еще и к пушкам (пистолетам) нашим. Без крови теперь нам не обойтись!

Подполковник горотдела НКВД Савин не ожидал разбойного нападения одновременно на нескольких кассиров, доставляющих зарплату на шахты из банка. Автомобили были обстреляны из ППШ, охрана убита, но личности нескольких трупов налетчиков установили быстро. Все они принадлежали шахтинскому криминальному контингенту и были в картотеке НКВД, иногородних среди убитых бандитов не было. Единственный «залетный» бандит был арестован при ограблении горняков шахты «Красенькая», но он молчал. Следовательно сделал вывод, что это случайность, а организатором банды является авторитет из шахтинских. Это изначально увело розыск в сторону, и долго ещё продолжались грабежи, прежде чем установили, что организатором являлся Скупец из ростовских. Но и после того, главарь банды Майор оставался неуловим. Его арестуют и осудят только в 1947 году, но в то время высшая мера наказания была уже заменена сроком в 25 лет и он останется жив.

В октябре в Шахтах появилось 182-е управление ГУПВИ и первый лагерь для немецких и венгерских военнопленных. Они сами строили себе бараки и заграждения из колючей проволоки. Численность пленных составляла тысячу человек, лагерь расположился на пустыре между поселками шахт им. Фрунзе и 10 лет ЗИ. Его специально разместили подальше и усиленно охраняли на случай попыток самосуда жителей города. Пленных стали использовать для восстановления разрушенных шахт, городских зданий и водопровода. Первая колонна, прибывшая на работу в центр города, собрала вокруг себя огромную толпу. Советские люди него-

довали при виде вояк «непобедимой» армии, от рук которых погибли их мужья, братья, отцы и дети.

Из толпы выделилась агрессивная группа женщин, пытающаяся прорваться через оцепление конвоиров. Некоторые бабы взяли в руки куски битого кирпича и булыжники. Немцев пригнали восстанавливать стены разрушенного корпуса терапевтического отделения больницы, поэтому «оружия пролетариата» здесь было в избытке. Старики и мальчишки вооружались палками.

– Это вы, проклятые супостаты, убили моего мужа? – истошно кричала одна из женщин, обливаясь слезами.

– Будьте прокляты, убийцы, звери! – голосила вторая – смерть найдете сейчас на нашей земле....

Вторая женщина неожиданно для конвоиров бросила камень и попала в лицо пленному фашисту. Булыжник угодил в лоб, разбил немцу нос, из которого обильно хлынула кровь. К женщинам присоединились старики и мальчишки, ситуация грозила выйти из-под контроля. Конвой не ждал такой буйной реакции на появление пленных немцев в городе и в первые минуты растерялся, не зная, что предпринять.

– Граждане! Требую немедленно разойтись! – закричал опомнившийся командир конвоя.

Толпа не слышала предупреждающий крик, лейтенант вытащил из кобуры пистолет ТТ и выстрелил в воздух. Но никто не обращал внимания на его выстрел, народ с искаженными от злости лицами прорвал оцепление и уже некоторые старики били пленных палками. Немцы были смертельно испуганы, они, уклоняясь от ударов палок, пригибались, садились на корточки в кружок лицами друг к другу и закрывали головы обеими руками.

– Мутер! Ес ист ниht ихь! – слышалось из толпы пленных.

Но разъяренные люди не понимали немецкого языка, им казалось, немцы матерятся по-своему, и это приводило толпу в еще большую ярость. Тогда лейтенант приказал нескольким конвоирам дать автоматную очередь в воздух. Солдаты выполнили приказ и только после этого люди остановилась. Женщины, старики и мальчишки с удивлением и непониманием смотрели на конвоиров, защищавших от них пленных немцев.

– Ты что же это сынок, немчуру защищаешь? – громко спросил у лейтенанта один из стариков, – они наших сынов, внуков убили, а ты вступился за этих выроdkов....

– Мне приказано не допускать расправы над пленными! – кричал лейтенант, – и я не допущу! Разойдись мигом от колонны!

– Это кто же тебе приказал? – кричала разъяренная женщина, – может Гитлер ихний?

– Если хотите знать, это товарищ Сталин приказал обращаться с пленными по-человечески! – убеждал лейтенант.

– А не врешь, сынок? – сомневался один из стариков, – где энто ты видел товарища Сталина?

– Есть такое постановление правительства! – кричал лейтенант, – кто не знает этого, тому я не обязан его зачитывать! Разойдись немедленно!

Поглядывая на лейтенанта с недоверием, женщины начали расходиться, за ними потянулись старики и мальчишки. Пленные немцы с благодарностью смотрели на лейтенанта. Среди них нашлись те, кто знал русский язык, и они быстро переводили слова лейтенанта соотечественникам. Инцидент был исчерпан, но опасность расправы с пленными сохранялась. Когда об этом случае доложили Шибяеву, он приказал подготовить специальный материал и опубликовать его в газете.

Присутствовавший на бюро горкома начальник Шахтинского горотдела НКВД подполковник Савин проинформировал Шибяева, что у него имеется циркулярное письмо, подписанное Берия о том, чтобы в советских газетах не было никакой информации о работе в СССР военнопленных немцев. Это оказалось закрытой темой, но что делать, если в городе мог повто-

риться подобный инцидент? И Василий Филимонович ограничился устным распоряжением, чтобы руководители каждого предприятия города разъяснили своим коллективам о недопустимости попыток расправы с военнопленными немцами.

На утреннем наряде Стародубцев выступил с таким разъяснением перед сменой. Стены здания конторы шахты уже восстановили, даже крышу подлатали, но внутри общая нарядная выглядела, как после обстрела. Ремонт бани до сих пор не могли закончить, да и не спешили это делать, воды все равно не было. Шахтинская ГРЭС пустила в работу первый турбогенератор, а несколько дней назад на шахте подключили полученный с Урала трансформатор и подали напряжение в шахту и компрессорную. Теперь в лаве работали врубмашины, отбойку вели пневматическими молотками и в общей нарядной горела лампочка.

– А чего их бить, они же безоружные! – высказался Павел после выступления Стародубцева, – а вот заставить их ремонтировать все, что ими разрушено надо!

– Я об этом только что хотел сказать, – оживился Стародубцев, – через пару-тройку дней нашей шахте дадут немцев для работы в лаве. Вчера на совещании в тресте распределяли рабочую силу. Кроме того, что пленные будут восстанавливать разрушенные дома в городе и водопровод, на самом верху было решено использовать их на производстве и в шахтах. К нам ежедневно из лагеря будут гонять шестьдесят человек, целых две бригады.

– А как же охрана? – недоумевал Михаил, – немцы же могут удрать! Да и в шахте диверсию устроить....

– Охрана будет с ними постоянно, – информировал Стародубцев, – да и бежать им некуда! После Курской битвы этим летом, немцы окончательно поняли, что война проиграна! Настроение у пленных упадническое и если из них кто и харахорится еще, то это эсэсовцы, потому что они фанатики....

– Это что же получается, конвой с бригадой немцев в шахту будет опускаться? – спросил Павел.

– Да, два конвоира с автоматами, один на верху лавы, другой внизу, – подтвердил Стародубцев, – вот только десятник должен быть наш! Так решили на вчерашнем совещании.

– А как же с ними разговаривать? – недоумевал Михаил, – у нас нет десятников, знающих немецкий язык.

– Среди пленных есть свои переводчики, – уверял Стародубцев, – поэтому в каждой бригаде будет по толмачу. У нас на шахте, как раз не хватает двух бригад, чтобы закрыть все смены. И я прошу Михаила и Павла быть десятниками в немецких бригадах....

– Ну, ни хрена себе, – не сдержался Михаил, – начали за здоровье, закончили за упокой.... А на моем месте, кто будет работать?

– Командир, а ты не боишься, что я пленных немцев могу прикончить невзначай, – пошутил Павел, – помнишь, как на фронте ты говорил однажды: «...лишние „языки“ без надобности»?

– Ребята! – обратился Стародубцев к Михаилу и Прохорову, – ну, кого мне просить? Вы сами понимаете, что это не моя прихоть.... Вместо Михаила десятником будет машинист врубовки Юра Крюков, а его помощница Катя поработает на врубмашине пока одна. Тебя, Павел, думаю, Нина заменить сможет.

– Баба-десятница? Это как, седло корове? – выкрикнул кто-то из угла, – ей мужика хорошего надо, чтобы не сбесилась....

– Нина работала в бригаде Михаила на Красина, – поддержал Стародубцева Воронин, – и дело шахтерское знает лучше любого мужика, который прячется по углам....

– Не надо меня защищать, – крикнула Нина, выходя к центру, – я сама отвечу, вот только посмотреть хочу, кто это кукарекает? Выйди из укрытия герой!

– Он боится! – хохотал Антон, работавший десятником на западном уклоне, – этот дед помнит Нину со времен, когда на Красина все купались в общей бане, и он врезался лбом в деревянную перегородку... Просил, чтобы Нина ему своей мочалкой спину потерла!

Смена дружно рассмеялась, все знали эти байки про общую баню на шахте Красина, а дед, его звали Никита, не рад был своей несдержанности. Он присел на корточки, чтобы его не было видно, и курил самокрутку махорки, выпуская дым вверх. По этому запаху все знали, что здесь прячется дед Никита, он один на шахте курил махорку.

– Ну, вот! – смеялся Антон, – испарился дед Никита, один дымок остался....

Спустя день, к первому наряду на шахту пригнали военнопленных. Для их работы накануне провели небольшую реорганизацию, бригаду Павла, десятником которой теперь стала Нина, перевели на другое крыло уклона, чтобы две бригады немцев работали в одной лаве. В первую смену с пленными должен был работать Михаил, а во вторую Павел. Бригаду немцев численностью в тридцать человек до ствола шахты сопровождали четверо конвоиров с овчарками немецкой породы. Двое из них с собаками остались на территории, а два конвоира должны были опускаться в шахту вместе с пленными.

Вся смена собралась во дворе посмотреть на европейскую рабсилу. Женщины удивлялись, что среди пленных не видно неопрятных мужчин. Все немцы были чисто выбриты, одеты в старую военную форму, на ногах сапоги, а на головах солдатские кепи. Среди них выделялись мужики высокого роста, коротко стриженные, взгляд самоуверенный, даже наглый. Эта категория явно принадлежала к эсэсовцам и держалась обособленной четверкой. Они осматривали собравшихся, указывая пальцем на их одежду, что-то бормотали по-своему и откровенно смеялись.

Немцы стояли в шеренгу, конвоиры с автоматами ППШ расположились по краям и ждали указания Стародубцева. Он и Михаил, пристально всматриваясь в лица пленных и обращая внимание на физическое состояние каждого, молча обходили строй. Михаил явно был чем-то недоволен, он шептал себе под нос матерные выражения, и его испорченное настроение встревожило Стародубцева.

– Ну, вот, Миша, это теперь твои работяги, – сказал Стародубцев с иронией, чтобы поднять Михаилу дух, – принимай! ...И, как говорится, эксплуатируй. Ты чего расстроился?

– Невезучий я, – сетовал Михаил, – на шахте Красина бабской бригадой командовал, здесь немцами, на хрен бы они мне упали....

– Миша, некому больше поручить их, – убеждал Стародубцев, – ведь абы кому этих фрицев доверить нельзя, только опытным горнякам.

– А они могут работать в шахте? – спросил Михаил, – кто-то должен стать с утра за врубовку, да и отбойными молотками нужно уметь....

– Ты главное не дрейфь, – советовал Стародубцев, – их предварительно отбирали для работы в шахте еще во фронтовом лагере. Как мне рассказывали, они сами рвались на работу и здесь собрали всех немецких горняков. В Шахтинском лагере содержатся пленные двух специальностей – строители и шахтеры. Я тоже опущусь с тобой в лаву, интересно посмотреть, как работают европейские горняки.

– Это европейские говнюки, – бурчал Михаил, – пустить бы их всех в расход....

– Это десятник для немцев, – представил Стародубцев конвоирам Михаила, – его распоряжения выполнять, как мои!

– А как спускать их в шахту? – озадаченно спросил Михаил, – в клеть половина бригады не сядет, придется тремя ходками, а конвоиров только двое....

– С первой частью спустится один из конвоиров, – сказал Стародубцев громко, чтобы автоматчики слышали его, – со второй опускаемся мы, а с последней частью бригады спустится второй автоматчик! Поняли, ребята?

– Так точно! – по-военному ответили оба конвоира, – поняли товарищ заведующий шахтой!

Неделей раньше на «Красненькую» из Челябинска привезли два десятка аккумуляторных шахтерских ламп и в первую очередь обеспечили ими заведующего, главного инженера и десятников. Часть этих ламп предназначалась для конвоирования пленных немцев по шахте. Все остальные горняки пока должны были работать с бензиновками. Получая их в ламповой, немцы с удивлением рассматривали эти светильники и откровенно хохотали, перебрасываясь фразами между собой. В ламповой поднялся гам, и это взбесило Михаила так, что он побагровел от злости.

– Слушай мою команду, фюреры хреновы! – громко закричал Михаил, – смеяться будете в Берлине своем, а здесь молчать мне, суки нацистские!

Пленные быстро прекратили веселье, а к Михаилу подошел немолодой уже немец и представился на ломанном русском языке.

– Гхерр десьятник, – сказал немец, – я будет перевод с русский делать.... Но я не мочь говорить им суки!

– Тогда скажи, кобели, если суки не подходят! – отрубил Михаил, – и чтобы я больше не слышал от тебя слова «гхерр»!

– Почему? – удивился немец.

– «Гхерр» по нашему означает член – сердился Михаил, – а за это у нас в морду бьют! ...Тебя-то как зовут?

– Я есть Ганс! – ответил немец, – а Вы есть Михаил?

– Да, – коротко бросил Михаил, – можешь обращаться ко мне по имени. Только вот я смотрю, ты переводишь хреново....

– Что есть по-русски «хреново»? – недоумевал Ганс.

– Это значит хуже, чем плохо! – ответил Михаил.

– Шлимммер аль шлехт, – произнес Ганс, запоминая слово – хреново!

– Хватит азбуку зубрить, – скомандовал Михаил, – все организованно идем к стволу!

Стародубцев с улыбкой посмотрел на Михаила и первым двинулся к выходу. Следом шел конвоир с автоматом, после них немцы, выстроившиеся в колонну по два и замыкающий автоматчик. Женщины, работающие в ламповой при виде этой колонны, дружно рассмеялись. Создавалось впечатление, что это Стародубцева с Михаилом конвоируют немцы.

– Спускайтесь первыми и ждите нас у ствола, – приказал Михаил, когда левую клеть заполнила первая группа.

Переводчик что-то проговорил на немецком языке, и пленные дружно кивнули головами. Михаил со Стародубцевым и второй группой пленных вошли в правую клеть, когда она остановилась на нулевой отметке. В клетке было тесно, и Михаил почувствовал себя некомфортно в окружении немцев. К его удивлению от кого-то из пленных пахло одеколоном.

– Они еще и одеколонятся в плену? – удивленно спросил Михаил, – как в санатории, мать иху.... Откуда у них одеколон?

– Я лично не знаю, – ответил Стародубцев, – бритвы у каждого из них есть, это точно! Уж слишком лояльно относится к ним наше командование....

– Но вот купаться после шахты им будет нечем, как и нам, – злорадствовал Михаил, – мы-то хоть дома из колодца обмоемся....

– А может у них в лагере баня есть? – предположил Стародубцев, – видишь, какие ухоженные мать их фрау нихай....

– Баня может и есть, – рассмеялся Михаил, – да воды в ней ни хрена нет!

Клеть остановилась под стволом и сигнализация открыла ограждение. Михаил вышел из клетки и сразу увидел первую группу пленных опустившуюся ранее. Немцы стояли с зажжен-

ными бензиновыми лампами, а конвоира с аккумуляторной не было видно. Михаил осветил своей лампой на пленных и вскоре навел луч в лицо автоматчику.

– А ты почему лампу не включил? – спросил у него Михаил, – я уж думал, грохнули тебя немцы.

– Так я заряд аккумулятора экономлю, – ответил конвоир.

– Включай, – приказал Михаил, – его на две смены хватит. Лампы новые, недавно из Челябинска привезли....

Конвоир тут же включил лампу и обвел светом немцев, убеждаясь, что все на месте.

– А ты работал когда-нибудь в шахте? – спросил конвоира Михаил, – я забыл задать этот вопрос на-горах.

– Конечно, работал, – заверил конвоир, – иначе меня сюда не послали бы! Нас для этого специально отбирали.

– Где работал? – спросил Стародубцев, – и почему тебя по приказу на восстановление шахт не отправили? Вот меня, например, полгода назад, как только освободили Шахты, так сразу с фронта – сюда!

– Я работал в Кемерово, – ответил конвоир, – мы же в ГУПВИ служим, а на него не распространялся этот приказ.

Спустилась третья группа с конвоиром. Михаил приказал выстроиться гуськом по одному и, чтобы сзади шли автоматчики с аккумуляторными лампами, освещая дорогу пленным, а они со Стародубцевым пойдут впереди. Немцы шли по штреку молча, а переводчик Ганс следовал за Михаилом и заучивал вслух новые для него русские слова.

– Десятник Михаил, что есть по-русски Ке-ме-ро-во? – спросил он на ходу.

– Город в Сибири! – ответил за Михаила Стародубцев.

– Это там, где вашему Гитлеру тюрьму приготовили, – шутил Михаил, – у него там сопли быстро замерзнут....

– Гитлер капут! – громко произнес Ганс, – война капут, Муссолини капут....

– Это ты сейчас раскапустился, – начал сердиться Михаил, – а в сорок первом вы все кричали «Хайль».... У нас в городе в ствол шахты Красина живьем людей сбрасывали, я своими глазами видел!

– Это делать гестапо! – кричал Ганс, – я солдат, я никого нихьт эршиссен, – и тут же поправился – не расстрелять!

– А эти четверо мордворотов, что особняком держатся? – спросил Михаил, – эсэсовцы?

– Я не знаю, – отвечал Ганс, – все кто есть плен, отказаться от принадлежать СС, документ об этом нет....

– Их по рожам и без документов видно! – злобно сказал Михаил, – они кто по специальности?

– Они есть мастер, ...забой, молоток уголь..., – пытался объяснить Ганс.

– Хватит трендеть, – прервал его Михаил, – мы называем таких специалистов навалоотбойщиками. Это хорошо, сейчас посмотрим, какие они мастера, а ты передай им на досуге, чтобы вели себя дружелюбно и не зыркали, как звери, иначе их отправят назад во фронтальной лагерь!

Подшли к уклону, на котором находились добычные лавы. Лебедка, осуществляющая откатку по уклону, была разобрана, ее электродвигатель выдали на-гора для просушки, а у разобранного редуктора возились два электрослесаря. Временно для подъема вагонеток по уклону использовали ручной ворот, приспособленный для вращения выходного вала, а по коренному штреку сцепки груженых вагонеток гоняли вручную до самого ствола. Здесь нужно было оставить двенадцать человек из состава бригады, и Михаил вопросительно посмотрел на Стародубцева.

– Как их без конвоя здесь оставить? – спросил он.

– Пусть один из автоматчиков остается здесь и контролирует откатку по уклону до самого ствола, – распорядился Стародубцев, – а второго конвоира оставим на сопряжении уклона с верхним штреком. Если кто-то из них предпримет попытку сбежать, то на сопряжении с уклоном он их встретит. Первый же будет контролировать откатку вагонеток по коренному штреку и в случае чего, дальше ствола никому не уйти.

– Выходит, что я в лаве останусь без охраны? – злобно спросил Михаил, – ты же говорил, что один конвоир будет на верхнем штреке, а другой на нижнем!

– Вначале я так и планировал, – спокойно ответил Стародубцев, – но теперь счел целесообразным так распределить конвоиров. ...Да никто из немцев не отважится на побег! Куда бежать, даже если кому-то удастся выехать на-гора? Шахту также охраняют двое конвоиров из ГУПВИ, находясь на территории с собаками!

– Мы не хотим бежать, – взволнованно вступил в разговор Ганс, – мы честно хотим работать, чтобы нас отпустить в Фатерлянд... Меня нах хаузе..., там в Германия, ожидать Эльза и фир..., четыре дети! Я не хочу быть расстрелять, я хочу нах хаузе!

– Ну, блин, раскудахтался, – гневно осадил Ганса Михаил, – переведи, чтобы двенадцать человек остались здесь и когда придет лебедчик из бригады Нины, делали, что он потребует. А ты, конвоир, смотри здесь за ними! Погонят сцепку с грузом к стволу, сопровождай сзади и в случае чего..., сам знаешь!

– Так точно! – ответил автоматчик, – в этом случае нам приказано стрелять на поражение.

По уклону спускались пешком, благо, что до лавы было недалеко. Когда достигли сопряжения с верхним штреком, Михаил оставил здесь второго конвоира, и продолжил спуск на нижний штрек. Немцы с интересом рассматривали крепление кровли, проложенные для откатки рельсы, и тихо переговаривались между собой. Но теперь в их разговоре не ощущалось насмешек, они были серьезны и искренне интересовались горными выработками, наверное, сравнивая их с немецкими.

– Скажи им, чтобы эти «эсэсовцы» и еще шесть человек, лезли сразу в лаву, – приказал Михаил Гансу, прибыв на люка, – пусть распределятся по паям и ждут, когда я открою сжатый воздух. Оставшиеся шесть человек будут работать здесь на откатке добычи до уклона. Порожняк стоит на заезде в штрек, вы его все видели, когда мы шли сюда. Сначала скажи мне, ты сам понял это?

– Я понимать хорошо по-русски, – уверял Ганс, – я не умею хорошо говорить!

– Кто у вас специалист по врубовой машине? – спросил Михаил, – позови его сюда, чтобы я запомнил рожу. Если врубовку умышленно выведет из строя, то сразу к стенке приставим!

Ганс четко и отрывисто передал команду Михаила пленным. Десять человек один за другим по очереди полезли в лаву, а к Михаилу и Стародубцеву подошел средних лет немец и почтительно склонил голову.

– Вот, Раймунд есть спец врубывальный машина, – представил Ганс подошедшего немца.

Михаил осветил лампой лицо Раймонда, и некоторое время пристально смотрел ему в глаза. Немец прищурил их от яркого света и что-то сказал по-немецки.

– Так, Раймундак, слушай меня внимательно! – начал Михаил, – возьми себе помощника и осмотри врубовую машину, проверь смазку и режущую цепь, позже мы подойдем с заведующим и скажем, что делать дальше. И предупреждаю тебя, если умышленно выведешь из строя врубовку, то расстреляю прямо в шахте и в пустоте за лавой похороним!

Раймунд ушел выполнять команду, Ганс остался с Михаилом и Стародубцевым. Федор Васильевич закурил папиросу и протянул Михаилу.

– Я бросил полгода назад, – угрюмо произнес Михаил, – жрать было нечего, не то, чтобы табак покупать и выменивать....

Ганс тоже достал сигарету из нагрудного кармана. К удивлению Стародубцева, у него имелась зажигалка, которой он щелкнул и прикурил.

– А ты Ганс, так и будешь за мной ходить? – спросил Михаил.

– Да! Я есть перевод и мне приказать, чтобы быть с десятник всегда, – подтвердил догадку Ганс – это есть моя работа....

– Не хило устроился, – пошутил Михаил, – языком трепи и ни хрена не делай!

– Ты лихо командуешь пленными, – заметил Стародубцев, обращаясь к Михаилу, – честно сказать, я не ожидал! Вроде как поначалу их даже побаивался.... Да и дело знаешь хорошо, мне не приходилось видеть тебя в работе, но это сразу чувствуется.

– Вы Федор Васильевич, курите побыстрее, – подгонял его Михаил, – нужно пролезть по лаве, посмотреть, что и как? Вчера в конце смены Крюков сделал вруб, но я так и не посмотрел состояние забоя.

– Все! Полезли! – согласился Стародубцев, гася окурок ступней ноги, и обращаясь к Гансу, – и ты бросай свою сигарету. Кстати, где вы их берете?

– Нам присылать Красный Крест, – ответил Ганс, вздыхая, – сигаретес, бритва, одеколон, зубной щетка, порошок и письмо из Фатерлянд.

– Это кто еще такие? – удивился Михаил, – они из Германии?

– Нет! Красный Крест из Британия и Америка, – отвечал Ганс, – это международ организация....

– Вот тебе и союзнички блин! – сердился Михаил, – и вашим и нашим! Нам тушенку продают за золото, немцам одеколон... за дырки от бубликов!

Влезли в лаву по очереди, сначала Михаил, за ним Стародубцев, а последним Ганс. Внизу лавы у врубовки сидел Раймунд и еще один пленный. Михаил осветил лампой машину и внимательно осматривал ее узлы. Затем начал чего-то искать, переместившись к крепости с завальной стороны лавы и вскоре вернулся с вязанкой запасных зубков режущей цепи.

– Молодец Юра! – похвалил он Крюкова, – всегда внизу лавы имеются запасные зубки, хотя каждую смену он, как положено, носил заточенные из мехцеха.

– Толковый парень, – согласился Стародубцев, – не зря мы его десятником поставили.

– Слушай, Раймундак, – обратился Михаил к «немецкому специалисту», – вот тебе зубки на режущую, сразу поменяй, пока лаву брать будут! Тупые заберешь с собой на-гора и я сдам их на заточку в мехцех. Теперь сначала каждой смены, сам будешь забирать их там и в конце работы сдавать туда же. Если что-то не понял, лучше переспроси сразу.

Ганс перевел все, что сказал Михаил и Раймунд радостно кивал в ответ и что-то говорил по-немецки.

– Чему он радуется? – спросил Михаил у Ганса.

– Он сказать, что сам хочет спросить у десятник, где есть брать зубки, – пояснил Ганс – он бояться, что за тупые зубки его расстрел....

– Пусть боится, не облезет, – оборвал Ганса Михаил, – лучше работать будет. Он все понял, что я сказал?

– Он понимать, – утверждал Ганс, – это есть его работа, он в Дойчланд тоже был спец по врубовательной машина! На шахте в Руре...

– Ну, достаточно кудахдать, полезли по лаве, – скомандовал Михаил и первым полез вверх. Через несколько метров, он осветил лампой немца высокого роста из обособленной четверки, которых называл «эсэсовцами». Тот еле помещался под кровлей лавы и, согнувшись пополам, держал наготове в руках отбойный молоток. Увидев Михаила и Стародубцева, немец что-то спросил на своем языке.

– Чего ему не хватает? – Михаил посмотрел на Ганса.

– Он говорить, что каска на голова, – перевел Ганс.

– Завтра всем выдадут каски, – сказал Стародубцев, – сегодня просто забыли за них.

Ганс перевел слова заведующего, и немец удивленно смотрел на Стародубцева, явно не понимая, как можно забыть о безопасности работ.

– Твоя голова пятака дырявого не стоит! – сказал немцу Михаил, – если тебе ее не оторвали на фронте, то это не значит, чтобы я о ней волновался, – и, обращаясь к Гансу, – переведи ему это!

Ганс перевел и немец удовлетворенно кивнул, давая знать, что понял. Стародубцев от удивления немного оторопел.

– Видишь, как ты лихо ответил ему, – воодушевленно воскликнул он, – а я не сообразил, что безопасность пленным необязательна. ... Хотя каски для них привезли вчера!

Михаил полез выше по лаве, Стародубцев с Гансом следом. Осмотрев готовность навалотбойщиков и вруба, все трое вылезли на верхний штрек. Михаил посмотрел на Ганса, тот выглядел по-деловому, и было понятно, что он до войны работал в шахте, как и все те, кто сегодня должен начать добывать для фронта шахтинский уголь. Осмотр удовлетворял Михаила, к его удивлению немцы вели себя в лаве профессионально, и это давало надежду, что непонимания в работе с ними не будет.

– Ну, что вы с нами тут будете торчать? – спросил Михаил у Стародубцева, – выезжайте на-гора!

– Да, наверное, – согласился Стародубцев, – я вижу, что лучше тебя с пленными никто не сможет управляться. Молодец, Михаил! За работу с пленными вам с Павлом будет ежемесячная надбавка к зарплате.

– Мне деньги нужны, – весело отвечал Михаил, – Марфуша моя на пятом месяце беременности. Молю Бога, чтобы к марту роддом открыли в городе, хотя я неверующий....

– Откроют, не переживай! – подбадривал его Стародубцев – стране солдаты нужны! Сколько наших полегло? Никто ведь не считал.... Ну, ладно, управляйся здесь, а я пойду на-гора.

– Проверь конвоира на сопряжении, чтобы не дрых там, – попросил Михаил.

– Само собой! – послышался голос уже удаляющегося Стародубцева.

Михаил подошел к вентилю и открыл его, послышалось специфическое шипение воздуха в трубопроводе. Ганс неотрывно следовал за Михаилом и старался не мешаться под ногами. Его бензиновая лампа горела, но немец рационально старался использовать свет аккумуляторной лампы Михаила, находясь сразу за ним. Вернувшись к входу в лаву, они увидели горового, тот вылез на штрек, чтобы начинать отбойку своего пая.

Михаил прислушался, но в лаве пока было тихо.

– Почему не начинают? – спросил Михаил у Ганса – воздух в лаву я дал! Неужели ждут, пока я заставлю работать?

– Нет! Все ожидать команда десятника! – ответил Ганс.

– Передай им, что я дал команду, – сердился Михаил, – пусть каждый от горового до низа прокричит друг другу о начале работы. Я же говорил об этом, когда дам воздух в лаву, начинать отбойку....

Ганс приблизился к горовому немцу и отрывисто перевел ему слова Михаила. Тот кивнул и что-то прокричал на своем языке. Из лавы послышался крик следующего по забою, потом дальше. Немецкая речь звучала, как собачий лай и Михаил невольно ухмыльнулся.

– Ну, разгавкались прямо-таки! Как на фронте в лунную ночь, – сказал он, – вот только не был я там....

– Почему не был на фронт? – спросил Ганс.

– Не взяли, я ведь только из рогатки стреляю и то одиночными! – отшучивался Михаил.

Ганс некоторое время соображал смысл шутки, но увидев улыбку Михаила, замолчал. Вскоре из лавы донесся стук отбойных молотков, горовой тоже вгрызлся в пласт и Михаил несколько минут наблюдал за его работой. Немец не суетился, все движения были рациональны и последовательны. Михаил с довольным видом присел на лесиняку, заготовленной крепи.

– Можешь покурить пока, – разрешил он Гансу, – присаживайся рядом.

Ганс сел на расстоянии двух метров, достал сигарету и зажигалку, закурил.

– А почему у вас не запрещать курить шахта? – с недоумением спросил он.

– Потому что наши шахты не опасны по газу, – отвечал Михаил, – вот эта, например, сырая шахта и если даже попытаться поджечь здесь что-нибудь, то не получится.

– Это есть хорошо, – согласился Ганс, – в Рур шахта запрещать курить! Выгонять с работа за это.

– Сколько времени твои фашисты будут вести отбойку? – спросил Михаил, – они знают, что крепить лаву нужно следом за отбойкой?

– Конечно, знать, – усердно ответил Ганс, – вы делать все так, как у нас в Рур.

– Потому что немцы в 1928 – 32 годах строили нам шахты и передали технологию очистных работ, – пояснил Михаил.

– О-о-о! Это есть хорошо! – обрадовался Ганс.

– Расскажи, как ты работал до войны, – предложил Михаил.

И Ганс начал рассказывать о себе. По его словам он родился и вырос в небольшом шахтерском городке Оберхаузене в поселке Штеркраде в семье потомственного шахтера в 1908 году. Окончил техническое училище по специальности горного машиниста и с 20-ти лет начал трудовую деятельность на одной из шахт. Работал год учеником, затем самостоятельно машинистом конвейера, лебедки и даже врубовки.

– Так ты у меня еще и врубмашинист? – с ухмылкой спросил Михаил, – это хорошо, в случае чего, подменишь Раймундака.

– Он есть Раймунд, – поправил Ганс.

– Раймундак, он и в Германии Раймундак! – пошутил Михаил, – мне так легче запомнить его мудреное имя. А ты воевать, когда пошел против нас?

– Я не хотеть воевать, – гневно произнес Ганс, – это Гитлер заставлял всех, кто не хотеть, тот тюрьма гноить и расстрелять....

– Ну, да ладно врать-то, – сердился Михаил, – я больше не буду спрашивать о войне, все равно соврешь....

Из лавы один за другим вылезли четверо немцев и направились к лесинякам, на которых сидели Михаил и Ганс.

– Хелмут! – окрикнул немцев Ганс, – коммен зи цу мир шнель, дэр бэфестигунгшвальд хир!

– Ты чего такое сейчас сказал? – насторожился Михаил.

– Я сказать, что лес крепь здесь, – ответил Ганс.

– Я не могу привыкнуть к вашему языку, – сетовал Михаил, – хир, хер и прочие словечки. Это у нас такие ругательства есть....

Подожли немцы и молча начали носить лесиняки к входу в лаву. Они около часа перетаскивали и укладывали их так, чтобы можно было задать в лаву и по рештакам согнать вниз. Михаил с удовлетворением отметил про себя, что немцы выполняли работу в той же последовательности, что и наши. Когда Хелмут с напарниками подали в лаву крепь и полезли вниз, Ганс продолжил свой рассказ. Он успел поведать, как ему пришлось воевать в 6-й армии Паулюса, как он попал в плен после окружения. Михаил слушал его, не перебивая до той поры, пока не прекратился стук отбойных молотков, доносящийся из лавы.

– Пора в забой, – сказал Михаил, поднимаясь с лесиняки, – посмотрю, как провели отбойку.

Михаил с Гансом влез в лаву и, скользя по ребрам рештаков подошвой сапог, начал медленно спускаться, освещая линию забоя. Он был очень доволен результатом немцев, они, затратив столько же времени, что и прежняя, русская бригада Михаила, произвели отбойку так, что забой был выровнен, как по шнурку. Немцы в это время начали выгрузку отбитого угля на рештаки.

– Молодцы! – похвалил немцев Михаил, – умеете работать! Только не зазнавайтесь и продолжайте в том же духе. Перерыв на обед будет после зачистки лавы.

– А что вы кушать будете? – спросил Михаил у Ганса, когда они спустились вниз лавы, – кто вас кормить должен?

– Утром каждый получать сухой паек, – ответил Ганс, – у каждый пленный есть в карман сверток и фляжка... вассер..., вода!

Михаил с Гансом опустили на нижний штрек. Немцы грузили на люках первую сцепку. Несмотря на плохое освещение от бензиновых ламп, работали они слаженно и сосредоточенно, изредка перебрасываясь короткими фразами. Имеющийся на сопряжении с уклоном порожняк они без подсказки загнали за люка лавы и вчетвером заталкивали сцеп под загрузку.

– Я не надеялся на слаженную работу пленных, – вслух рассуждал Михаил, – думал, придется мотаться за каждым и объяснять, что и как делать! С бабами беготни больше, чем с фашистами....

– Русский женщина не хотеть работать? – спросил Ганс.

– Работать они хотят, – рассуждал Михаил, – только опыта никакого, нужно все рассказать, показать и дать попробовать....

– Женщин не есть работа шахта! – возражал Ганс, – это есть тяжесть сильно работа....

– Не умничай, – оборвал его Михаил, – сами знаем, что шахта не для баб, но вы всех наших мужиков поубивали на фронте. Кто работать в шахте будет?

Спустя час, Михаил вновь полез в лаву. Раймунд с улыбкой встретил десятника и доложил, что врубовка готова к работе. Михаил с Гансом полезли дальше, и его удивлению не было границ, когда он увидел, как немцы выгружали лаву. Подошва была зачищена лопатами так, как будто по ней прошли метлой. Даже мелкий уголь и штыб был выгружен на рештаки.

После зачистки лавы Михаил объявил перерыв на обед. В лаве наступила тишина, немцы кушали, не покидая рабочего места. Это удивляло не меньше, чем выгрузка отбитого угля, ведь наши горняки всегда собирались на обед в нижнем штреке. Михаил тоже достал из кармана куртки свой тормозок и, развернув его на коленях, приступил к трапезе. Он украдкой смотрел, что кушает Ганс и был снова удивлен, на этот раз содержимым его сухого пайка. У Михаила в «тормозке» было двести грамм хлеба, кусок конской колбасы и луковица. У Ганса – столько же хлеба и плоская банка рыбных консервов, он открыл ее с помощью складного ножичка, имеющего также еще и вилку.

– Это тоже Красный Крест? – с удивлением спросил Михаил, указывая на рыбные консервы.

– Нет, это выдать нам в лагерь, – невозмутимо ответил Ганс.

Михаил придвинулся ближе и еще раз посветил на банку рыбных консервов, лежащую у немца на коленях. Сомнения отпали, судя по этикетке, это была консервированная треска советского производства. Михаилу стало не по себе, он явно занервничал, ведь получалось так, что пленных немцев кормили лучше, чем питались горожане, не работающие в шахте. До конца смены Михаил не мог успокоиться, и только после того, как бригада прекратила работу, и он в очередной раз осмотрел лаву, пришло успокоение. Ровная, как по шнурку, линия забоя и зачищенная «под метлу» почва лавы возымели действие на десятника, как антидепрессант.

– Ну, что же, – произнес Михаил, когда бригада собралась на люках, – на первый раз неплохо! Посмотрим, как вы дальше будете работать!

С другой стороны, где-то в глубине души Михаил немного злился, что немцы умеют так хорошо работать и только спустя три месяца понял, что это черта национального характера, они не умели плохо работать. В голове не укладывалось, что пленные работают на победителя также хорошо, как на Родине. Если бы ему пришлось работать в плену, он старался бы вредить, чем приносить пользу своим трудом.

Начались холода и в первых числах ноября на траве появились заморозки. Осень стояла сухая, днем было солнечно и тепло, а ночью температура воздуха опускалась до ноля и даже уходила в минус. От этого воздух по утрам казался хрустально звонким, стоило крикнуть, и эхо, отражаясь от невидимых колокольчиков, помчит твой голос вдаль со звонкими переливами. Туман в балке у Лисичкиного озера был похож на занавеску, за которой уходящее бабье лето все еще целовалось с осенью, прощаясь до будущего года. Небо, без единого облачка, как будто к празднику было раскрашено волшебником в голубой цвет, а утренний ветерок гнал прочь легкий заморозок с еще зеленой травы, подготавливая ее к дневным лучам солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.